

Юлия Фим

Возрождение Тёмной

NoSugar. Азия

Юлия Фим

Возрождение Тёмной.
NoSugar Books

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фим Ю.

Возрождение Тёмной. NoSugar Books / Ю. Фим — «Издательство АСТ», 2023 — (NoSugar. Азия)

ISBN 978-5-17-160162-1

Империя Чжао — альтернативный Китай прошлого, место со сложившимися традициями и порядками. В ней правят представители Светлой фракции, беловолосые легендарные герои страны, а представители темной фракции, красноглазые демоны, преследуются по закону. Чживэй, попаданка, получает наихудший расклад из возможных в этом мире, и она не планирует спасать ни мир, ни даже себя. Она просто хочет отомстить. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160162-1

© Фим Ю., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Персонажи	6
Музыкальное сопровождение глав:	8
Пролог	10
Глава I	11
Глава II	21
Глава III	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Фим

Возрождение Тёмной

NoSugar Books

* * *

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

© Фим Ю., 2023

© Рассун, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Персонажи

Легендарные прародители фракций:

Светлый: Гуанмин

Темный: Цзиньлун

Империя Чжао:

Семья Чжао (Светлые):

Чжао Куаньинь – император

Чжао Сюй – наследный принц, первый принц

Чжао Сюин – вторая принцесса

Чжао Цзи – третий принц

Чжао Чжэнь – четвертый принц (†)

Чжао Юхэ – пятый принц

Чжао Шэнь – шестой принц

Представители фракции Светлых:

Хэлюй – верный слуга Чжао Шэня

Ян Гуан – советник, министр финансов

Ли Ихуан – советник, представитель императорского двора

Ду Минсинг – советник, министр юстиции

Син Су – советник, представитель трудовых лагерей

Госпожа Ян – дочь Ян Гуана

Госпожа Цю – дочь советника Цю

Семья Лю:

Лю Чжунъян – первый брат семейства Лю Лю

Чживэй – вторая сестра семейства Лю Лю

Мэйцзюнь – третья сестра семейства Лю Лю

Ши – младшая сестра, близнец Цзи Лю

Цзи – младший брат, близнец Ши

Музыкальное сопровождение глав:

Глава I:

The Eternal Love – Nine Part Rhyme

Breath of Life – Florence + The Machine

Глава II:

Ashes of Love – Unsullied

Monster – Hidden Citizens

Глава III:

Legend of Yunxi – Sigh Trouble – Adam Jensen

Глава IV:

Ten Miles of Peach Blossoms – Liang Liang

House of Memories – Panic! At The Disco

Глава V:

Princess Weiyoung – If Heaven Has Compassion

Heathens – Twenty One Pilots

Глава VI:

Bloody Romance – A Lifetime Waiting For You

Feeling Good – Michael Bublé

Глава VII:

Lan Ling Wang – Heart of Palms

Blood // Water – grandson

Глава VIII:

Yu Ying – Miss the Dragon

Natural – Imagine Dragons

Глава IX:

The Legends – Zhao Yao

Survivor – 2WEI

Глава X:

Ashes of Love – Upwards to the Moon

Start a War – Klergy, Valerie Broussard

Глава XI:

Story of Yanxi Palace – The Sound of Falling Snow

Play with Fire – Sam Tinnesz

Глава XII:

I Will Never Let You Go – Juvenile in White

Darkside – Alan Walker

Глава XIII:

Rapid As Wildfires – HOYOMiX

Bad Day For My Enemies – Adam Jensen

Глава XIV:

The Legends – A Far Journey

Enemy – Imagine Dragons and JID

Пролог

Однажды я подслушала разговор ребяташек, они играли в Светлых и Темных. Никто не хотел быть Темным, потому что Темные были злом, были слабостью – Темные обречены проигрывать. Темными пугали непослушных детей: «Если не будешь слушаться, Темный придет в ночи и выпьет всю твою жизненную силу».

Но теперь в ваших историях появилось имя. Мое имя. Лю Чживэй – Великая императрица Темных – придет за тобой ночью, выпьет всю твою силу.

Потому не озоруй. Не упоминай мое имя вслух.

Иначе я услышу, я приду – и оставлю за собой реки крови.

Я не всегда справедлива, но вы не были справедливыми никогда – вы любили унижать, любили издеваться, любили причинять боль. И ваш страх – заслуженное наказание за грехи.

Моя сила была великой, но я допустила ошибки.

Первая из них – гордыня: я привыкла быть сильнейшей Темной, которой никто не смел угрожать. Я потеряла бдительность и поплатилась за это.

Вторая – я основала свою власть на ненависти. Я и мои соратники искали возмездия, были готовы на все ради него. Мы перестали различать оттенки, окрасив мир в Темное и Светлое, Победу и Поражение, Добро и Зло.

А проигнорировать предсказание о собственной смерти стало третьей ошибкой. Пророчество уже исполнялось, но я решила не принимать его в расчет и в назначенный день смерти попыталась овладеть Великой Силой.

Всего три ошибки – и я умерла.

Но я вернусь и отомщу за свою смерть.

Глава I

Птица поет не потому, что знает ответ Птица поет потому, что у нее есть песня

«Позвони»

Виски сквозь сон прошло обжигающе резкой болью. Девушка беспокойно завертелась в кровати, тщетно пытаясь принять удобное положение. Спать хотелось нещадно, голова была словно чугунная, но короткая фраза продолжала назойливо жужжать в сознании.

Казалось, вселенная перестала существовать: одно только пронзительное «позвони» заиклилось на волнах боли.

«Отстань, – подумала девушка. – Замолчи!»

Не открывая глаз, с силой сдвинула пальцами виски, однако это не помогло. Тогда она резко села в постели и окончательно поняла, что без лекарства от боли в этот раз не обойтись. Потянувшись к тумбочке, она настороженно застыла: обстановка выглядела непривычно. Комната, представшая перед ее глазами, казалась неправильной. Вот только причина внезапного диссонанса от затуманенного разума неумолимо ускользала.

Света было мало, и в сумраке комната – точно чужая – казалась и негостеприимной. Тонкий цветочный аромат – единственное, что придавало ей уют. В остальном обстановка выглядела строго и аскетично: кровать из темного дерева с шелковым мятным балдахином, чуть дальше такой же темный стол с устаревшими письменными принадлежностями и колокольчиком, небольшой шкаф со свитками и сундук. И все.

Девушка сосредоточилась на слове, которое назойливо вертелось в голове. Но смысл его ускользал. «Позвони»... Простое совсем слово. Означает простое действие. Вот-вот готовое сорваться с языка. Оно вызывало зудящее беспокойство, звучало в голове все громче и громче, превращаясь в строгий приказ, но смысл его все еще ускользал.

– Позвони, – произнесла девушка вслух и удивилась: кажется, это должно звучать иначе?
«СПАСИ ИХ!»

Фраза ворвалась в ее мысли, вызвав очередной приступ острой головной боли. В глазах у девушки потемнело. Не сознавая, что делает, она встала с кровати, потянулась к колокольчику на столе и отчаянно им затрясла.

«Позвони... в колокольчик!», – озарило ее пониманием, когда тревожный звон разнесся по комнате.

Сжимая в руке колокольчик, девушка вдруг почувствовала, будто подыгрывает неизвестному голосу в голове, принимая правила некой игры и запуская винтики собственной судьбы в часах вечности.

– Чживэй! Чживэй! Ты очнулась!

– Чживэй очнулась!

В комнату вбежали мальчик и девочка, оба примерно семи лет. Темноволосые, почти одинаковые, они были одеты в традиционные одежды ханьфу. Лица их сияли безмерной радостью. Дети бросились к кровати, запрыгнули на нее и обняли девушку.

– Я знал, что ты очнешься!

– Нет, это я знала! Я знала первая. Ты мне, Чживэй, первой сказала!

Близнецы стиснули девушку в по-детски крепких объятиях, и та послушно обняла их в ответ. Она прижала их к себе, вдыхая сладковатый аромат персиков, исходящий от их волос. Ребята сжимали ее так сильно, взгляды их сияли такой искренней, такой невинной любовью, что сердце Чживэй защемило от нежности. Она ласково провела по их волосам. И замерла.

Нет. Что-то не так. Она даже не знает этих детей. Не знает имени Чживэй. И все вокруг напоминает фольклорную деревню времен империи Сун.

Реальность расщепилась. В одной она сидит в кабинете, торопливо набирая какое-то сообщение на телефоне, а во второй – к ней крепко прижимаются незнакомые дети.

– Чживэй, ты проснулась! – послышался новый голос и реальность опять схлопнулась.

В комнату вошла девушка. «Чживэй», так ее теперь все называли, рассматривала вошедшую, смутно узнавая. Миловидная девушка с каштановыми волосами и зелеными глазами. Черты ее лица были мягкими и нежными, движения – плавными и размеренными. В традиционной одежде нежных цветов, с волосами ниже пояса. Весь ее облик вызывал чувство умиротворения.

– Лю Цзи! Лю Ши! Хватит прыгать на сестре, лучше бегите на кухню и принесите ей рисовую кашу. И осторожнее, не разлейте!

Дети в ту же секунду спрыгнули с кровати, излучая одновременно разочарование и озорство, и побежали к выходу. Чживэй поняла, что если и получит кашу, то останется там только несколько ложек на донышке.

Незнакомка проводила их взглядом, после чего весь ее благопочтенный образ пропал, она кинулась к Чживэй и горячо ее обняла.

– Ах, сестра! Я так тосковала! Ты спала три недели. С каждым днем мне все сильнее казалось, что это уже навсегда.

– Я... – начала было Чживэй и оборвала себя на полуслове, не зная, что сказать.

Она не помнила даже своего имени, пока его не назвали, не говоря уже обо всех этих людях.

Девушка, назвавшаяся сестрой, пристально посмотрела на Чживэй, а потом расстроено покачала головой.

– Ох, Лю Чживэй, ты и правда забыла... Я – Лю Мэйцзюнь, твоя сестра. Ты предупредила нас, что впадешь в сон, а когда проснешься, то ничего не будешь помнить. Ты говорила, что это важно, и мы не спрашивали... а ведь теперь ты и не сможешь рассказать. Какая же я глупая, думала, что расспрошу тебя, когда ты очнешься! Однако теперь вижу, ты растеряна. Но я рада, что не сторонишься меня! Я ужасно боялась, что ты проснешься и не захочешь с нами больше говорить. Все потому, что...

Мэйцзюнь говорила взволнованно и не умолкала ни на секунду, пока готовила дневной наряд для Чживэй. Речь из нее лилась легко, точно журчащий ручей.

– ...повернись, я уложу тебе волосы...

Чживэй подняла руку, прося Мэйцзюнь замедлиться ненадолго. Та послушно застыла у кровати со шпильками в руках.

– Я говорила, что все забуду? Я не объясняла, почему? – она пока не знала, в чем дело, но что-то было не так.

«СПАСИ ИХ».

Чживэй дернулась. Вновь этот голос в голове! Она коснулась виска: каждый раз голос приносил головную боль.

Кого спасти? Спасти их? Эту милую девушку и детишек? Им угрожает опасность?

– Что такое? Ты в порядке? – Мэйцзюнь испуганно взяла Чживэй за руку. – Когда вернется Лю Чжунъян, он будет счастлив узнать, что ты в порядке. Это твой брат. Мы все, – на этом месте она подозрительно отвела глаза, – очень любим тебя и очень переживали за тебя. Ох, я все говорю и совсем-совсем забыла рассказать тебе кое-что...

Мэйцзюнь подскочила с кровати и подошла к стоящему неподалеку сундуку.

– ...Да, ты говорила, что все забудешь и что написала себе записки, которые я должна тебе передать. Ты подготовила несколько книжных свитков... Сейчас-сейчас.

Лю Цзи и Лю Ши вбежали обратно с серебряным подносом в руках. На входе они застыли, не помещаясь вдвоем в дверной проем. Протискиваясь внутрь, близнецы толкали друг друга, каждый из них хотел первым войти в комнату, и, пока они сражались, каша разбрызгивалась на поднос.

– Мы принесли!

– Я принес! – заспорил Лю Цзи.

– Нет, я тоже держала поднос, – возразила Лю Ши.

– Ох, не балуйтесь! – пробормотала себе под нос Мэйцзюнь, копаясь в сундуке, однако было заметно, что она не сердилась, а просто повторила привычную фразу.

Чживэй невольно издала смешок, потянувшись к детишкам, когда они подбежали к кровати, и погладила их по голове.

– Спасибо.

Мэйцзюнь поднялась, держа что-то в руках, и уже строже посмотрела на малышей.

– Так, все, бегите, вашей сестрице следует отдохнуть.

Чживэй нагнулась, чтобы забрать еду из рук близнецов, но, когда ее взгляд упал на поднос, она так сильно вздрогнула, что едва не обронила его. Каша расплескалась по днищу, и Чживэй поспешно стерла кашу, чтобы взглянуть в отражение.

Ужасные красные глаза ярко горели на остром лице черноволосой девушки. С неприятием Чживэй разглядывала отражение. Нет. Это не она. У нее никогда не было таких красных глаз.

– Что со мной? – подавленно спросила Чживэй, рассматривая своих сестер и брата с совершенно обычными глазами.

– Ох, Чживэй, все разлилось! – всплеснула руками Мэйцзюнь. – А вы давайте, бегите отсюда.

Лю Цзи и Лю Ши открыли было рот, чтобы возразить, но в этот раз увидели, что спорить с сестрой бесполезно, и понуро поплелись прочь. Впрочем, с улицы уже опять раздался их смех.

Мэйцзюнь тем временем поспешно забрала поднос из рук Чживэй, на который та старалась не смотреть, не готовая даже мельком вновь увидеть ужасное отражение.

– Что со мной? Я болею?

– Нет-нет, ты абсолютно здорова! – воскликнула сестра, отводя глаза. Она застыла в неловкой позе, сжимая в руках письмо. – Ты и это забыла. Ох, как неудобно...

Она вдруг нагнулась ближе и перешла на едва слышимый шепот, словно говорила что-то очень грязное.

– Просто ты... из темных... Темная.

– Темная? Что это значит?

– Я думаю, здесь все написано, – неловко пробормотала Мэйцзюнь. – Тебе нужно прочитать это... Но сначала поешь! Восстановить силы!

Мэйцзюнь взяла миску с кашей и протянула ее ко рту Чживэй. Та послушно отпила немного жидкой каши, но все еще не отводила взгляд от сестры. Мэйцзюнь заметно покраснела, явно нервничая.

– Поешь и читай, потом отдохни. Скоро вернется Чжунъян, наш дорогой старший братец, он будет так рад видеть тебя в полном порядке!

– А родители?

Тут Мэйцзюнь окончательно смешалась.

– Может быть, мама зайдет, но вот насчет отца не уверена. Ты же знаешь... знала, у него всегда много дел в нашей торговой коалиции. Он едва успевает поесть иногда.

Мэйцзюнь совсем не умела врать. Отговорка звучала разумно, но то, как девушка заикалась и смотрела куда угодно, но не на Чживэй, выдавало ее с головой. Значит, с родителями у нее не лучшие отношения? С отцом так точно.

– Поешь и поспи еще немного, тебе нужно восстановить силы. – Мэйцзюнь положила письма на стол рядом с колокольчиком. – Здесь то, что ты просила передать.

Мэйцзюнь вновь выглядела сдержанно, словно бы вспомнив о привычной для нее роли. Она только нагнулась ближе и порывисто обняла Чживэй еще раз.

– Ох, сестра, хорошо, что ты в порядке. Я так скучала по тебе эти дни. Так сильно скучала, словно кто-то вонзил мне в сердце иголку, и я никак не могла найти себе покоя. У меня нет никого ближе тебя.

Чживэй не сдержала улыбку и нежно прижалась к сестре. Мэйцзюнь кинула на нее еще один быстрый взгляд, после чего направилась к выходу. Проследив, как элегантно Мэйцзюнь удаляется, Чживэй заставила себя сделать несколько глотков жидкой рисовой каши, затем отставила миску и потянулась к письму, волнующему ее гораздо больше еды.

Сверток из желтоватой и тонкой бумаги издавал тихий шелест. Чживэй развернула его, начиная читать. Изящно выведенные иероглифы приветствовали ее.

«Избегай врага днем – он духом силен,
Нападай, когда душа его стремится к покою».

Чживэй с недоумением перечитала строку. Странная фраза выбрана для приветствия.

«Мой долг и мое сердце находились в смятении.
Хотела бы я не беспокоить тебя, милое Отражение.
Однако куда бы ни шла, где бы ни спала
И что бы ни ела – рядом было Оно,
Грязной земли дыхание смердило мне в ноздри
Предупреждение: умрут все.
Маменька, папенька, возлюбленные братья и сестры...
И было видение – я не помеха свету.
Солнечный отблеск больно делает
Моим кровавым глазам.
Но ты, мое Отражение,
Бесстрашна, как Тигр, драгоценна, как Камелия...
В твоих силах навести Порядок.
Твой путь к Свету пройдет
Через Персики к Дракону.
А я лишь могу принести извинения,
И мое скорбное сердце просит – Спаси их».

Чживэй дочитала страницу, перевернула лист – продолжения не было. Всего одна страничка с загадочным содержанием. Почувствовав легкое раздражение, она вернулась к строчкам, вычленила смысл: настоящей Чживэй жаль, что та вызвала ее, чтобы спасти семью.

Значит, все-таки ей не показалось. Она не принадлежала этому миру, этим людям. Но должна спасти их.

Спаси как? И, главное, от чего?

И кто она тогда?

Пробежавшись глазами по первой строчке, Чживэй задумчиво поджала губы. Что прощая Чживэй имела в виду? Это намек на врагов? Убийца здесь? Где-то в доме, поместье? Или подкрадется ночью, когда все будут отдыхать?

Разве не стоит писать более конкретно, если желаешь спасения семьи? Чживэй отложила свиток и потянулась к следующему. Возможно, он принесет больше ответов.

Второй свиток оказался шелковым, и большую его часть занимал рисунок сосны. Ее ветви переплетались с солнечными лучами, а левее были выведены изящные иероглифы.

«Однажды, очень-очень давно, Нефритовый Император имел двух любимых людей – Гуанмин и Цзиньлун.

Гуанмин и Цзиньлун были работающими и добрыми – всегда помогут тем, кто рядом, голодному – дадут еды, жаждущего – водой напоят.

Нефритовый Император был очень доволен ими и думал, как же вознаградить таких самоотверженных людей, делающих столько добра во славу Его.

Думал Он много дней. Ответ пришел однажды, когда Он стоял у речушки и наблюдал, как маленький поток ускоряется, расширяется, пока не превращается наконец в кристально-прозрачную реку, чье устремление бурлит к своей единой цели – влиться в гладкое озеро и найти покой.

Это натолкнуло Его на мысль: люди – сосуды для маны, но маны в их душах совсем на доннышке, едва хватит на самые простые чудеса, даже если они всю свою жизнь будут медитировать и служить Ему.

Но Он, Нефритовый Император, мог сделать этот поток души сильнее, увеличить запас маны так, чтобы Гуанмин и Цзиньлун могли бурлить, точно широкая река, и нести людям покой, который дарует единственный взгляд на спокойное озеро.

Он наградил их большой внутренней силой ци, назначил их Нефритовыми Посланниками, а сам отошел на покой, чувствуя, что дал людям тех, кто может о них позаботиться.

Гуанмин и Цзиньлун поблагодарили Нефритового Императора и решили разойтись – так бы они несли больше добра в их прекрасную Поднебесную страну.

Шли годы, Гуанмин копил внутреннюю силу, копил ци, делая добрые дела и медитируя. Он не торопился творить великие дела, желая совершенствоваться.

Цзиньлун же был нетерпелив, он брал ци везде, куда только могли дотянуться его руки. Он быстро стал могущественным воином, защитником людей.

Гуанмин и Цзиньлун не виделись много-много лет, но до Гуанмина начинали доходить беспокоящие его слухи. Цзиньлун возмнил себя судьей людей: карал неугодных, награждал избранных.

Гуанмин не хотел этому верить, а потому отправился искать дорогого ему друга. И когда нашел, то не поверил своим глазам: Цзиньлун стоял в луже крови, руки его пылали огнем, а люди кричали, моля о пощаде.

Гуанмин накопил могущественную ци за прошедшие годы, и он призвал Нефритового Государя помочь ему управиться с обезумевшим Цзиньлуном.

Нефритовый император услышал Гуанмина, потому что тот излучал сильный свет. Он появился в ту же секунду и разозлился увиденному.

Гневно посмотрел на Цзиньлуна и наказал его.

„Никто не сочтет тебя моим Посланником боле. Ты будешь жить в ненависти и боли, и все будут знать, какое зло ты совершил“.

В ту же секунду Цзиньлун закричал – глаза его стали красными, как кровь, в которой были запачканы его руки, волосы почернели, как земля у его ног.

Так Нефритовый Император проклял Цзиньлуна и весь его род – и дети его, наследники темной ци, навсегда несут в себе это уродство.

Увидел тогда государь Гуанмина, плачущего над мучениями своего названного брата. Это тронуло его душу, и он даровал Гуанмину голубой, как небо, цвет глаз и волосы прекрасно белые, отражающие само солнце».

Легенда на этом заканчивалась. Чживэй задумчиво вглядывалась в строгие буквы, которые, казалось, осуждали ее.

Она потомок Цзиньлуна? Наследница темной ци? Потомок некоего зла?

Чживэй вновь перечитала послание, надеясь увидеть конкретные указания, что ей делать дальше. Похоже, прошлая обладательница тела не знала, что угрожает семье, знала лишь, что не может совладать с этой угрозой? И та Чживэй была уверена, что у нее сейчас достаточно навыков для этого.

А легенда же просто отвечала на вопрос, кто она такая, и что у нее есть внутренняя сила.

Чживэй попыталась сосредоточиться на своих ощущениях, но никакой особенной силы не почувствовала. На глаза опять попался поднос, и Чживэй попыталась силой мысли сдвинуть миску с рисом. Миска осталась на месте, даже не пытаясь притвориться, что как-то впечатлена попыткой Чживэй. Как бы ни работала темная ци, она явно не двигала вещи силой мысли.

Чживэй поднялась с кровати. Пришло время исследовать это место, собрать как можно больше информации, чтобы решить, как поступить дальше. Тем более что попытки вспомнить что-то о себе вызывали только сильную головную боль.

Покинув комнату, Чживэй оказалась в вымощенном камнем дворе. Чистенький, но при этом совершенно пустой, даже безжизненный, дворик. Только справа и слева от ее дверей росли зеленые кустарники, а в центре двора стоял маленький фонтанчик.

Двор был не больше десяти метров в ширину и длину, окруженный высокой каменной стеной с двумя арками. Чживэй направилась в правую арку, но дверь оказалась заперта, тогда она пошла ко второй арке.

Дверь отворилась, и Чживэй обнаружила садик с каменным мостом и лotosовым прудом. Чживэй нагнулась, чтобы посмотреть на свое отражение, но увидела только нечеткие очертания ее лица и фигуры.

День загадок без отгадок. Скоро ли вернется Мэйцзюнь? Ей нужны хоть какие-то ответы. И ей нужна большая свобода действий, если она действительно хочет помочь семье, а потом вернуться обратно в мир, которому она принадлежала.

Садик, как и ее дом, окружали высокие каменные стены. Единственная дверь, что вела наружу, была заперта. Получается ли, что Чживэй здесь взаперти?

Чживэй развернулась в немедленном желании проверить еще раз вторую дверь, но наткнулась на грудь мужчины. Она отпрянула назад, складывая руку в кулак, готовая защищаться.

Мужчина стоял неподвижно, давая ей время рассмотреть себя. Чживэй подняла взгляд на его лицо: зеленые глаза смотрели насмешливо, но добродушно. Красиво очерченное лицо, волевой подбородок, тонкие губы – его лицо сохраняло благородную невозмутимость. Широкие кожаные доспехи выдавали в нем воина.

– Чживэй, ты очнулась, – мужчина протянул к ней руки. – Поспеши и обними своего брата Чжунъяна.

Девушка сделала шаг к нему, не будучи уверенной, как повела бы себя настоящая Чживэй в подобных обстоятельствах. Чжунъян лишь приобнял ее, проводя ладонью по волосам, и тут же отпустил.

– Узнаю свою милую сестрицу. Только проснулась, а на месте уже не сидится.

Он игриво коснулся ее лба пальцем, Чживэй автоматически увернулась, чем вызвала его смех.

– Я рад, что ты не изменилась.

Не изменилась? Неужели все так плохо знали здесь ту Чживэй, что, когда смотрели прямо сейчас на абсолютно чужую девушку, не видели никакой разницы? Неужели та Чживэй так же пытливо шурилась, пытаясь оценить уровень доверия между ними?

Что ж, если он дружелюбен, надо воспользоваться возможностью и узнать как можно больше об угрозе семье.

– Я скучал, – продолжил брат, легкой поступью прогуливаясь вдоль мостика.

– Тогда, может, присядем? – Чживэй указала на беседку, что располагалась в саду, и Чжунъян согласно кивнул, жестом пропуская ее вперед.

В беседке располагались стол из мрамора и два деревянных табурета, на один из которых и присела Чживэй.

Чжунъян не стал присаживаться, оперевшись плечом на беседку. Он выглядел невозмутимым и статным. Интересным.

У него открытое лицо и искренний взгляд, однако ощущалась твердость духа. Было в нем и что-то печальное. Сейчас он смотрел вдаль, задумавшись о чем-то, и казался неприступным.

– Не сердись за этот вопрос, брат... – осторожно начала Чживэй. – Помни, я все позабыла. Мои глаза другие. Я другая. Родная ли я вам сестра?

Чжунъян замер на секунду, показалось, что даже ветер перестал теревить его одежду.

– У тебя прекрасные глаза, Чживэй, – сказал он наконец. – И ты – наша семья. Как и мы – твоя.

Он твердо посмотрел на нее.

– Не понимаю, зачем это надо было, чтобы ты все забыла, но я расскажу тебе историю нашей семьи.

Наши родители вступили в брак совсем молодыми. Дела у обеих семей шли плохо, поэтому денег было немного. Тем не менее они старались как могли, чтобы развить торговую сеть чая. Первым родился я. Второй появилась ты.

– Как получилось, что я другая?

– Носители темной ци, как и светлой, могут рождаться у простых людей...

– Что значит «темная» ци, – перебила его Чживэй.

– Демоническая, – коротко ответил брат, явно не желая вдаваться.

– Я... демоница?

– Ты нет! Никогда не говори так о себе! Представители темной ци чаще всего злые, извращенные существа. Они несут смерть всему живому, поэтому фракция Светлых строго следит за рождением каждого темного.

– За мной тоже?

– После рождения... «тебя» Чжунъян проглотил, – настали непростые времена для нашей семьи. Отец отправил матушку молиться на год в храм, обвинив в нечистости души. За тобой в это время ухаживала бабушка, мать отца. О тебе следовало сообщить, но бабушка сказала, что видит в тебе удачу для семьи.

Брат говорил осторожно, стараясь не ранить чувства Чживэй, однако было несложно догадаться, что он скрывает за недосказанностью. Чживэй не должна была выжить, но благодаря защите близких ее оставили в живых, полюбили... И в итоге их Чживэй все равно не здесь.

– ...Послушай, Чживэй. Это все от страха и непонимания. Иначе бы семья относилась к тебе совершенно иначе. Ты росла очень умной, но отец с матушкой по-прежнему избегали тебя. Ровно до того дня, когда ты внезапно предсказала исход торговой сделки отца. Уже в совсем маленьком возрасте ты начинала плакать, если отец хотел заключить плохую сделку, и всегда радовалась, если та была хорошей. Благодаря тебе наша семья обогатилась, приобрела влияние... Ты – благословенье. Никогда не думай иначе.

– Понятно.

Чживэй ответила простой фразой, осмысливая сказанное. Как ни пытался брат смягчить углы, участь Чживэй казалась весьма печальной. Она была оставлена в живых лишь как инструмент для добычи денег. Как если бы могла безошибочно показывать месторождения нефти.

Как прошлая Чживэй чувствовала себя? Переживала ли она это как личную трагедию? Или так и жила, никогда не рассчитывая на большее? Однако одно было бесспорно: Чживэй любили. Встреченные ранее сестры и брат дорожили Чживэй. И Чжунъян всматривался в нее с беспокойством, после чего поспешно притянул в свои объятия.

Чживэй отозвалась на его тепло. Как бы то ни было, настоящая Чживэй любила их в ответ. Она чувствовала это отчетливо, как будто частичка души той Чживэй так и осталась внутри, путаясь с ее собственными эмоциями.

Сжатая в объятиях Чжунъяна, Чживэй ощущала его крепость и надежность. Что за беда грозит этой семье, если он не может справиться с ней?

– У тебя есть ци?

– Ци – жизненная энергия, присутствующая во всем.

Чжунъян слегка отстранился, серьезно отвечая.

– Но я много тренирую внутреннюю силу.

– Разве... – Чживэй вспомнила легенду, прочитанную недавно. – Люди способны на такое?

– Я не умею ничего особенного. Моя сила – пустяки по сравнению с тем, на что способен самый слабый Светлый. Так же, как и моя сила покажется невероятным чудом обычному крестьянину, у которого нет времени совершенствовать ци.

– Но я могла бы накопить ци? Приобрести большую силу? – Чживэй пытливо посмотрела на брата.

– Чживэй! – изумленно воскликнул брат, выпуская ее из объятий. Он покачал головой. – В твоей голове не должно быть таких мыслей. Ты добрый ребенок, но твоя ци по природе темная. Эта сила злая, она подчиняет себе. Я видел однажды...

Брат вновь помрачнел, погружаясь в неприятные воспоминания.

– А я не хочу терять свою маленькую сестру, понимаешь?

Чживэй не понимала, но кивнула. Разве прошлой Чживэй не понадобилась внутренняя сила, чтобы поменять их местами? А если у нее было много ци, могла ли она быть злой? Но какая злодейка пожертвует собой ради семьи? Да и может ли быть любое существо злом или добром по факту своего рождения?

Чжунъян вновь переменял тему.

– Мне скоро отправляться на битву. Твои наставления не раз меня выручали. Если вновь что-то увидишь – непременно скажи. И что тебе привезти? Может быть, персиков? Ты их любишь.

Через Персики к Дракону.

Вряд ли упомянутые Чжунъяном персики были ключом к разгадке. Чживэй благодарно улыбнулась на его предложение, тогда как ее мысли уже закрутились вокруг предстоящий битвы. Это была хорошая возможность узнать побольше о грядущей опасности.

– Нам что-то угрожает?

– Ты в полной безопасности, – ответил брат, хмыкая, решив, что она испугалась. – Но к чему столько мрачных вопросов сегодня? Или ты что-то видела?

– Нет-нет. Я ничего не видела... Хотя, будь осторожнее.

– Всегда.

Брат улыбнулся, а Чживэй с сожалением подумала, что его не так легко разговорить.

– Как Мэйцзюнь? Я еще не видел ее. Первым делом пришел к тебе, услышав, что ты очнулась.

Чжунъян обошел Чживэй и устроился на табурете напротив нее. Чживэй задумалась, пытаюсь вспомнить впечатление от общения с сестрой.

– Жизнерадостна.

– Хорошо.

– А что?

Чжунъян хотел уклониться от ответа, но Чживэй настойчиво посмотрела на него.

– Отец планирует ее брак. И варианты не по душе Мэйцзюнь.

– Но он же не поступит так? Не выдаст ее замуж без согласия?

Брат печально посмотрел на нее.

– Брак – это вопрос взаимовыгоды. Если чье-то предложение окажется хорошим...

Чживэй подскочила на месте в возмущении. Только одна мысль о том, что такая милая Мэйцзюнь будет несчастлива с кем-то, казалась кошунственно несправедливой.

– Но это же... варварство! Так нельзя!

– Прожить жизнь с нелюбимым – тяжкое бремя. Но отец обещал, что она станет первой женой...

– А есть еще и не первая жена? – ужаснувшись, перебила Чживэй.

Чжунъян приподнял брови, удивившись ее реакции. Однако почти сразу его лицо приняло невозмутимое выражение, приобретая жесткость.

Он поднялся с места.

– Я расстроил тебя новостями.

– Вовсе нет! – поспешно произнесла Чживэй – Меня расстроил не ты, а это...

– Чживэй, – строго сказал Чжунъян. – У тебя был тяжелый день. Тебе нужно отдохнуть.

Мне жаль, что я поднял такую серьезную тему.

– Нет, я...

Чживэй не хотела прекращать беседу, однако под внезапно суровым взглядом брата она замолчала. Не хватало его еще разозлить.

– Нам всем предстоит это однажды, – наконец произнес он. – Не переживай, я навсегда останусь с тобой и никуда не уеду. Отдыхай. Я привез из столицы красные финики, сейчас попрошу Мэйцзюнь принести их тебе.

– Спасибо, брат, – с деланным воодушевлением произнесла Чживэй.

На сегодня разговор был окончен, но ей еще предстояло немало узнать. И лучше задавать вопросы небольшими порциями, чтобы семья не начала ее избегать.

– Я провожу тебя, – улыбнулась она. – Спасибо, что навестил меня. Я ценю это.

Чжунъян расслабился, и на его губах вновь заиграла улыбка. Он потянулся, чтобы прижать Чживэй к себе.

Стук дверных створок прервал объятие. В тишине он показался оглушительным, словно раскат грома.

Что-то плохое случилось, безошибочно определила Чживэй. Некто ударил в набат судьбы, и отсчет Плохих Событий начался.

В сад вбежал Лю Цзи, их маленький брат.

– Чжунъян! – вскричал он. – Как хорошо, что ты здесь! Там приехали! С Проверкой!

Чжунъян посерьезнел в ту же секунду и, не оглянувшись на Чживэй, поспешил к выходу.

– Немедленно спрячь сестру! – приказал он, уходя.

Лю Цзи кивнул на команду брата и без промедления бросился к Чживэй через весь сад. Чживэй же вместо того, чтобы побежать к нему навстречу, застыла на месте.

Кто-то пришел с проверкой? Кто? Зачем? Что это значит?

Однако отвечать на эти вопросы было некому. Лю Цзи схватил ее маленькой вспотевшей ладошкой и потянул в сторону дома, но Чживэй не сдвинулась с места, все еще в замешательстве смотря вслед Чжунъяну.

– Что такое Проверка?

– Чживэй, потом! Бежим же! – испуганно посмотрел на нее брат. – Светлые приехали! Ужас, расплывающийся в глазах маленького брата, убедил ее послушаться.

– Бежим, – твердо произнесла она, выходя наконец из ступора.

Лю Цзи тут же сорвался с места, и Чживэй поспешила за ним. Меньше минуты – и они уже вбежали в ее скромный домишко.

Лю Цзи отпустил ее руку, подбегая к сундуку. Он обхватил тот маленькими ручками и потянул на себя, пытаясь сдвинуть с места. Чживэй, помедлив меньше секунды, помогла ему. Едва сундук был сдвинут, Лю Цзи с силой нажал ногой на одну из половых деревяшек, та прогнулась под его весом, и раздался скрипучий звук. Чживэй повернулась на звук, с изумлением наблюдая, как часть стены справа от кровати отъезжала в сторону.

– Скорее, туда!

Чживэй подчинилась, ныряя в маленькое неуютное пространство. Обернувшись, она увидела, что Лю Цзи нажал на деревяшку, вновь приводя механизм в действие, и принялся задвигать сундук на место.

Сердце ускоряло ритм одновременно с тем, как полоска света становилась меньше. Наконец стена прекратила движение, и Чживэй осталась одна в крошечной тьме. Никакой разницы между закрытыми и открытыми глазами.

Снаружи теперь не раздавалось ни звука, а внутрь не проникало ни капли света. Пальцы на ногах онемели от волнения, и Чживэй показалось, что она не может больше вдохнуть.

Дыши.

Медленный вдох. Выдох. Медленной вдох. Выдох. И так десять раз.

Едва ей удалось успокоиться, Чживэй медленно, стараясь не издавать лишних звуков, начала ощупывать стены вокруг себя. Они были жутковато шершавыми, абсолютно безжизненными и безучастными к ее судьбе. После нескольких минут копошения пальцы Чживэй уловили холодное движение воздуха. Она потянулась вверх и почувствовала ветерок, идущий от стыка стены и потолка. Там были совсем небольшие щели, обеспечивающие приток воздуха.

Успокоившись, Чживэй начала считать минуты, надеясь, что все скоро закончится, и за ней придут.

Прошло уже много времени, когда Чживэй вдруг почувствовала Силу.

Словно цунами, Сила приближалась к ней. Она росла, становилась объемнее, пока не обрушилась на домик.

Кем бы ни была эта Проверка... Она уже здесь.

Глава II

Далекая вода не может потушить близкий огонь

Проверяющий вошел в комнату, и пространство наполнилось новой энергией. Она была могущественной и сокрушительной, заставляя сердце Чживэй учащенно биться от страха. Эта сила проникала всюду, исследуя пространство длинными щупальцами энергетических потоков.

Впервые Чживэй подумала, что в темноте не укрыться от света. Если сила найдет щели в стене, где прячется Чживэй, то песенка ее будет спета даже до того, как она разберется в ее мотиве.

Проверяющий двигался не торопясь, внимательно исследуя пространство. Собственные дыхания показалось Чживэй нервным и громким и, чтобы не быть раскрытой, она зажала себе рот, а затем и вовсе прикусила палец до крови.

Ее накрыло волной силы, и Чживэй охватил благоговейный восторг: сила слепила ее своей яркостью и давила обескураживающей теплотой. Тот, кто снаружи, не желал ей зла, она может доверять ему...

В этом сиянии Чживэй ощутила низость и никчемность темной энергии. Однако это чувство и отрезвило: самоуничтожение ей не нравилось. Ей досталось это тело и цвет глаз, и они не определяли ее личность.

Шаги приближались, пока, наконец, некто не остановился напротив стены, за которой пряталась Чживэй. Она оказалась в ловушке, и ей было нечего противопоставить врагу. От страха ци Чживэй сжалась до размера горошины.

– Только один раз, – прозвучал мужской бархатный голос.

В наступившей тишине послышались шаги, неясное шуршание, а затем появился еще один голос.

– Истинный седьмой Чжао Шэнь, – произнес он почтительно. – Во дворе никого.

– Хорошо, – сдержанно ответил бархатный голос. – Здесь тоже.

Наступила тишина. Обладатель величественной ци ушел, как и пришел, словно схлынувшее цунами: вода отступила, а разрушения остались. Чживэй, чувствуя себя выпотрошенной и вывернутой наизнанку, обмякла в полуобмороке и сползала вниз, пока колени болезненно не уперлись в стену, не давая ей упасть окончательно.

Прошло немало времени, прежде чем снаружи послышались звуки. После недолгого копошения стена отъехала в сторону, и Чживэй без сил повалилась на пол. До того, как она ударилась, ее успели подхватить сильные руки.

Чужая внутренняя энергия смыла защитный психологический барьер, установленный прошлой Чживэй для более плавного перехода между мирами. И теперь ее рассудок был затуманен, она чувствовала себя вымотанной.

В голове царил сумбур из неясных образов. Воспоминания Чживэй перемешались, мелькая перед глазами несвязанными между собой картинками. То ей виделся дворовый щенок, живший у ее бабушки, то белый пекинес по кличке Сяобай. То ее прижимала к себе мама, то в следующую секунду она находилась в объятиях Мэйцзюнь. Лица людей из двух жизней смешались, вспыхивая в безумном хороводе и вызывая острую головную боль.

И в этих воспоминаниях было много темноты, словно ее не раз запирали в этой потайной коморке.

– Мэйцзюнь, помоги мне, – попросил Чжунъян, удерживая Чживэй на весу. – Не так. Я ее сам подниму, приготовь одеяло.

Брат, нежно положив голову Чживэй на свое плечо, подхватил ее за колени и поднял в воздух.

– Готово. Клади ее.

Чживэй аккуратно опустили на кровать. Она попыталась приоткрыть глаза, но веки были очень тяжелыми. Холодные ласковые пальцы погладили ее по лицу, убирая налипшие волосы, после чего Чживэй накрыли одеялом.

– Что с ней? Ты можешь ее вылечить? – обеспокоенно спросила Мэйцзюнь.

– Внутри нее бушует темная энергия, и она не выдержала столкновения с истинным светом. Я не в силах противостоять этому.

Мэйцзюнь грустно вздохнула и крепко зажала руку Чживэй в своих ладонях.

– Как же это возможно, брат? Ведь она никогда никому не желала зла.

– Такова ее природа. Насколько бы ее помыслы ни были чисты, внутри она заражена, как и все темные. Их ци разрушительно, несет окружающим страдания. И оно не может терпеть светлое ци.

– Ей так плохо... Я останусь с ней!

– Нет, тебе тоже нужно отдохнуть. Я останусь. Помоги мне разложить циновку снаружи, лягу там.

– Хорошо.

– И успокой близнецов. Чживэй непременно будет в порядке. Она очень сильная девушка.

– Да, брат.

Чживэй изо всех сил старалась удержаться в сознании, чтобы узнать больше о внутренней силе ци, но вскоре провалилась в хаотичные сновидения.

Все вокруг Чживэй кружилось: хоровод энергетических потоков плясал, небо и земля постоянно менялись местами, вызывая тошноту. Она пыталась сохранить баланс, устояв на одной плоскости, но очень скоро все окончательно смешалось, фоны перед глазами менялись слишком стремительно, образы плясали разноцветными картинками.

Все прервалось в одну секунду, и она оказалась в поле. Чживэй оглянулась, нервно сжимая меч в руке. Место было странное: красное небо, поле, покрытое бордовым ростками, река, протекающая рядом, напоминала бурлящую кровь. И много тел обычных людей.

Кто их убил? Чживэй оглянулась.

Здесь была только она.

Стоя на возвышении, она смотрела на сотни безжизненных тел. Чживэй опустила взгляд на свой меч и заметила, как с него капает черная жидкость. Она поднесла клинок ближе к лицу, и в отражении мелькнули красные глаза.

Чживэй вздрогнула от кровожадного удовольствия, пылающего в глубине ее собственного взгляда.

Картинка тут же сменилась.

Лин Юн брела по тротуару вдоль скоростного шоссе. Горе скрутило ее, слезы текли по щекам нескончаемым потоком...

То самое шоссе, где в прошлом году погибла ее семья. Был день ее рождения, они ехали к морю на машине. Мама и папа сидели на переднем сиденье, а Лин Юн с младшим братом на заднем.

Отец повернулся к ней, задавая какой-то вопрос, когда Лин Юн ослепили фары. Пьяный водитель выскочил на встречную дорогу и врезался в их машину. Машины на полной скорости смяло, они полетели в кювет. Мир закружился, а потом потемнел.

Следующее, что Лин Юн помнила, как она ползет по трассе. Машина останавливается. Вызывают скорую, ее увозят, но никто не помогает ее семье. Лин Юн так и не смогла объяснить, что с ней была вся ее семья.

– Ты везучая, – говорили ей тогда врачи, и Лин Юн не понимала, почему: ее жизнь кончена, семья погибла, она больше не могла пойти в университет...

Весь прошлый год ее сопровождали скорбные взгляды и успокаивающее «зато виновник наказан». Пьяный водитель выжил, его посадили в тюрьму, однако он все еще был жив в отличие от ее родителей. Так что Лин Юн не понимала, что же в этом успокаивающего.

Лин Юн дошла до места аварии, впервые за год. Раньше ей было даже тошно думать об этом, но сегодня она решилась увидеть место, где кончилась ее жизнь.

Внезапно фары ослепили ее, совсем как в прошлый раз. Машина с трассы выехала на тротуар и стремительно неслась к Лин Юн.

Неужели все кончится так глупо? Или это наказание за то, что в прошлом году она настояла на поездке на море?

Лин Юн хотела отодвинуться, но все тело застыло. Тогда она просто зажмурилась.

Однако удара так и не произошло. Лин Юн неуверенно открыла глаза, машина замерла перед ней, ослепляя светом фар. Она дернулась в сторону, но обнаружила, что не может пошевелиться. Тогда она оглянулась и заметила, что люди вокруг застыли в различных позах. Время замерло.

Перед Лин Юн возникла девушка с пугающе красными глазами. Та шевелила губами, и не сразу, но Лин Юн разобрала слова.

– Быстрее! Иначе умрешь. Помоги мне. Скажи «да».

Лин Юн нахмурилась. Что-то происходило – вокруг все завертелось. Девушка начала исчезать, а время постепенно ускорялось. Несколько секунд, и машина помчится на полной скорости.

– Да! – воскликнула Лин Юн, не желая умирать.

– Отсчет пошел, – услышала она. Чживэй, а это была именно она, показала на песочные часы, песок уже сыпался в них.

– Но они такие маленькие, – произнесла Лин Юн вслух, и открыла глаза в теперь уже привычной обстановке своего нового дома.

Чживэй приподнялась на кровати. На столике рядом стоял фарфоровый кувшин с водой, она схватилась за него, жадно выпивая большими глотками прямо из носика, проигнорировав стоящие рядом маленькие пиалы. Насытившись водой, она утерла рот и легла обратно на кровать.

Так вот что случилось с ней. В своем мире она бы непременно умерла, но Чживэй спасла ее, поменяв их местами. Значит, ей некуда возвращаться. Забытое чувство онемения от потери вернулось, и Чживэй пожалела, что вспомнила прошлую жизнь. Было бы лучше ничего не знать, было бы не так больно.

Горе, забытый спутник, вновь было рядом, вновь пыталось ей напомнить, что из-за одного пьяного водителя она потеряла все. Одна в том мире, и одна в этом...

Нет, в этом у нее еще была семья. Или у Чживэй. И эту семью еще можно спасти. Отсчет пошел.

Отбрасывая мысли о прошлом, Чживэй превратила их в будущее. Горе неуверенно покачнулось рядом с ней и испарилось, сменяясь новым смыслом. Теперь у нее была цель: спасти семью. И в этой новой цели Чживэй было очень комфортно, ведь собственная боль отходила на второй план.

Чживэй поднялась с кровати и переделалась в заботливо оставленное для нее платье из розового шелка.

Раздался стук в дверь, и после разрешения войти в комнате появился Чжунъян. От проникнувшего внутрь солнечного света в висках начало болезненно стучать.

Интересно, может ли быть, что ее красные глаза чувствительны к солнцу?

– Закрой дверь, – попросила Чживэй.

- Как ты себя чувствуешь? – Чжунъян обеспокоенно посмотрел на нее, подходя ближе.
- Хорошо.

Чжунъян секунду недоверчиво всматривался, но вскоре заметно расслабился. На губах заиграла улыбка.

- Тебе помочь с прической? – Чжунъян кивнул на шпильки на туалетном столике.
- А ты умеешь?
- У меня три сестры!

Чживэй пожала плечами: не то, чтобы у нее был вариант лучше. Она села за туалетный столик, а Чжунъян приступил к работе над волосами.

- Расскажи мне о Проверке.

В зеркале Чживэй увидела, как Чжунъян недовольно нахмурился. Она догадалась, что он собирался уйти от разговора, выбрав безопасную тему, но она не дала ему такой возможности.

- Ты не можешь держать меня в неведении. Так недолго и с ума сойти.

– Ты права, – согласился он, поколебавшись и вздохнув. – Я уже говорил тебе, что в обычных семьях могут рождаться представители темных и светлых фракций. Рождение Светлого дарует семье вечный почет и значительное вознаграждение, но рождение Темного позорит, несколько поколений вынуждены жить в презрении. Соседи начинают косо смотреть, а люди стараются держаться подальше. Рождение Темных стараются скрывать, поэтому и появилась Проверка. Представители Светлой фракции внимательно следят за распределением энергии в городе, и если в каком-то доме происходит выброс энергии, то туда направляется Проверка. Такие колебания в энергии чаще всего означают рождения ребенка с ци. У тебя маны совсем мало, и твоя сила невелика. Однако твои предсказания порой вызывают волнения в энергии – и тогда к нам приходят с Проверкой. Родители выбрали этот дом намеренно: на его территории есть Живительный колодец. Он регулярно самообновляет воду, доставляя ее напрямую с гор. Волнения энергии списывают на него.

– Что из себя представляет эта фракция Светлых? Чжунъян встретил ее взгляд в зеркале. Любопытство сестры было необычным, однако он продолжил отвечать на вопросы.

– Фракция Светлых – единственная и могущественная фракция империи Чжао. Они совершенствуют светлое ци, используя его возможности на благо всего народа. Светлое ци – это энергия, которая потребляется из всего сущего, при этом не травмируя его. Лидером фракции Светлых является наш император Чжао Куаньинь.

- Император – лидер фракции?
- Светлые давно правят империей...
- Чжао, – утвердительно закончила предложение Чживэй.

Чжунъян нахмурился, словно с трудом подбирая слова, чтобы продолжить.

– Но что-то меняется внутри фракции. Нефритовый император благословил Чжао Куаньина благороднейшими принцами и принцессами. Однако столько талантливых Светлых внесло раздор в империю, многие из них борются за власть в желании следующими занять трон, – Чжунъян замедлился, погружаясь в собственные мысли. – Наш император стар, он разменял уже третье столетие жизни, и он занимает высший, девятый, ранг в развитии ци. Скоро настанет пик его совершенствования силы, и император станет Легендарным бессмертным как Легендарный Гуанмин. По этой причине в Запретном городе в разгаре власть за роль наследного принца или принцессы. Старейшины Светлых и дети Чжао Куаньина изо всех сил сейчас стараются выслужиться перед ним.

- А что же тогда темные?

– Темные не обладают талантом совершенствования, поэтому вынуждены питаться энергией из окружающей среды. Попросту воруют ее извне, умерщвляя все вокруг себя.

- Как живут другие темные?

– Сложно сказать. В основном живут в колониях, где мир надежно защищен от них. Многие убиты – ни одна семья не хочет признаваться, что у них родился темный. Я слышал, есть вольные темные, но, честно говоря, никогда с такими не сталкивался. Больше похоже на сказку-пугалку для детей.

Чживэй вспомнила фразу из послания: «Солнечный отблеск больно делает моим кровавым глазам». Сила, которую она ощутила вчера, была удручающе могущественной, словно одновременно сияли тысячи солнц.

Сможет ли она противостоять этой лишающей воли силе, если враги семьи – Светлые?

– К нам приходили из фракции Светлых?

– Да. Истинный седьмой Чжао Шэнь совершал проверку.

– Чжао Шэнь?

– Принц империи Чжао, – кивнул Чжунъян, правильно поняв ее интонацию.

«Только один раз», – вспомнились Чживэй слова мужчины. Он знал о ее присутствии или просто говорил с собой? Зачем ему отпускать ее, если он знал? Может, он просто не мерзавец, убивающий всех темных? Эта версия, впрочем, казалась ей самой маловероятной.

– Готово, – прервал ее размышления брат.

Чживэй заглянула в зеркало и лишилась речи от увиденного.

– По-твоему, это смешно? – мрачно спросила она, разглядывая нелепую прическу с петухами, из которой в беспорядке торчали изящные шпильки.

– Ты много вертела головой!

– Для такого результата я должна была изрядно сопротивляться.

Чжунъян поджал губы, вызывая у Чживэй смехок. Похоже, у ее идеального брата был один недостаток – он не любил в чем-то уступать.

«Хорошая прическа!» – отразилась мысль на его лице.

«Ага, она прямо на моей голове вообще-то», – кивнула Чживэй в зеркало.

– Ладно, – сдался он, признавая поражение. – Но, возможно, мое поражение сгладит подарок.

При этих словах он указал на ножны, висящие на его ремне. Чжунъян отцепил их, протягивая Чживэй и улыбаясь так, словно дарил возлюбленной цветы.

Чживэй осторожно приняла меч, не желая повредить прекрасную работу мастера.

Ножны, покрывающие острое лезвие, были созданы из темного дерева, украшенного золотыми узорами, излучающими свет. Чживэй подушечками пальцев провела вдоль рисунка, пока рука не дошла до рукоятки, тогда она сжала ее крепко, удивляясь, как идеально меч лежит в ладони.

Тогда Чживэй вытащила клинок из ножен. В руке появилась приятная тяжесть, но даже так она отметила прекрасный баланс. Чживэй приподняла меч и сделала взмах в сторону, лезвие пронзительно сверкнуло на фоне дневного света.

«Это не просто меч, – подумала Чживэй, – это мое оружие, которое я буду использовать в защите своих близких».

– Что ж, – Чживэй дерзко улыбнулась. – Ты мой должник. Но есть и хорошие новости: можешь расплатиться тренировочным сражением.

– Ты еще не оправилась.

– В отличие от моих волос, я в полном порядке. Давай.

Чживэй толкнула его в сторону выхода. Чжунъян поколебался, но в его взгляде она увидела загоревшееся нетерпение.

– Давай попробуем. Если замечу, что ты устала, то немедленно вернешься в постель! – брат направился в сторону сада. – Я скучал по твоим выпадам. С момента, как ты заинтересовалась сражениями на мечах, это были мои лучшие тренировки.

– И давно я заинтересовалась?

– Уже год как.

Интересно! Как давно знала Чживэй, что ей придется поменяться телами с иномиркой? Как давно готовилась к сопротивлению врагу? Наверное, еще год назад она верила, что может справиться сама.

– Боюсь, я не помню ни одного приема.

– Твой ум, быть может, поврежден, но тело помнит, что делать, – уверенно сказал Чжунъян, обнажая собственный меч и принимая боевую стойку. – Право первой атаки за тобой.

Чжунъян занял позицию на одном краю мостика, Чживэй встала на противоположной стороне. Она сделала несколько взмахов мечом в воздухе, пытаясь приноровиться к нему. Медленно, полагаясь на память тела, Чживэй расставила ноги на ширине плеч, слегка приседая и направляя острие в сторону брата.

Задумав обманный маневр, Чживэй побежала прямо на Чжунъян, однако на четвертый шаг она подпрыгнула и вознеслась в воздухе на каменную ограду моста, ступая по нему легко и быстро. Собираясь рубануть по правому плечу брата, она прыгнула в его сторону, занося меч.

Чжунъян стоял неподвижно, пока меч несея к его груди, но в последнее мгновение с легкостью отразил атаку. Молниеносное движение, и вот Чживэй уже отлетела на мостовую и позорно приземлилась на попу.

С улыбкой на лице брат протянул руку, помогая Чживэй встать. Воспользовавшись поддержкой, она крутанула мечом, опять собираясь ударить Чжунъяна по плечу. Он ловко отступил, и Чживэй вновь потеряла равновесие, упав и едва успев увернуться от своего собственного меча.

Чживэй подскочила в раздражении. Желание одолеть брата завертелось в душе злым вихрем.

– Тебе не хватает равновесия, Чживэй, – Чжунъян подошел к ней и надавил ладонью на лоб, вынуждая опуститься на мостовую. – Сядь в позу лотоса. Закрой глаза. Сосредоточься на внутренней энергии.

Чживэй бросила на него яростный взгляд. Борьба – это искусство, требующее навыков и тренировок. Отдых и размышления не помогут ей стать лучше. Кроме того, у нее просто нет времени на это.

– Давай, не смотри меня так, слушайся.

Стараясь скрыть досаду, Чживэй закрыла глаза и устроилась в позе лотоса. Чжунъян наклонился и легонько коснулся пальцами места чуть выше ее груди.

– Делай глубокий вдох, а затем медленный выдох. Не думай ни о чем, почувствуй, как здесь копится внутренняя энергия.

Чживэй послушно сделала то, о чем просил брат, однако не почувствовала ничего нового, только зудящее неудовольствие. Мысли и вовсе сбивались; в темноте закрытых глаз вспыхивали строчки письма.

– Ты рассредоточена. Твоя аура хаотична, – наконец, сказал Чжунъян. – Поднимайся, повторим защитные позиции.

Чживэй открыла глаза, ожидая увидеть разочарованный взгляд брата, но он улыбался. В его глазах читалась искренняя привязанность, отчего Чживэй почувствовала себя обманщицей. Следует ли рассказать правду о сестре? Хотя бы ему?

Но нет, Чживэй не хотела этого. Иначе бы она предупредила их сама.

– Опять задумалась, – протянул Чжунъян, наклонившись ближе к ней и вновь попытавшись щелкнуть ее по лбу.

Чживэй увернулась, и он удовлетворенно хмыкнул.

– Ты учишься, – произнес он шутливо, но сразу перешел к делу. – Начнем с позы «удержание семи звезд». Занимай позицию, я буду атаковать.

Чжунъян отступил, выставляя меч, а Чживэй уже стояла на ногах на мостовой. «Удержание семи звезд» звучало знакомо, но вспомнить, что же оно значит – не могла.

– Не волнуйся, Чживэй. Я напому. Смести вес тела на правую ногу. Вот так, хорошо. Теперь подними правую руку и коснись внутренней поверхности левого локтевого сгиба. И помни: всегда держи корпус прямо.

Чживэй встала в неожиданно комфортную позицию.

– Видишь, ты все помнишь, – улыбнулся Чжунъян.

Следующие полчаса они провели за повторением защитных поз. Чжунъян продолжал нападать, а Чживэй защищалась.

К концу занятия она ощутила усталость и не смогла удержать очередной выпад брата. Меч Чжунъяна скользнул по ее и царапнул плечо.

– Прости, я потеряла концентрацию.

– Это моя вина, – перебил ее Чжунъян, забирая у нее меч и помогая присесть. – Я так был рад нашей встрече после долгой разлуки, что увлекся и не остановился вовремя. Дай мне осмотреть рану.

– Ерунда. Я даже не почувствовала.

Чживэй соврала: она почувствовала, и еще как.

Плечо горело, словно от ожога.

– Слушайся, – приказал брат, и Чживэй послушно отвела руку от раны.

Чжунъян нагнулся, рассматривая порез. Затем он поднял левую руку, и золотое сияние окутало ее рану. Плечо начало пощипывать, но через несколько секунд ощущение ушло, а вместе с ним и намек на порез.

– Прости, Чживэй, я причинил тебе боль, – Чжунъян раздосадованно рассматривал место пореза.

– Эй, – Чживэй улыбнулась и коснулась рукой его щеки. – Ведь именно для того мы и тренируемся, чтобы в реальном бою не допускать таких ошибок.

Чжунъян заметно удивился проявлению близости, но позволил себя коснуться. Чживэй, подумав, что позволила себе лишнего, хотела отвести руку, но брат удержал ее, прижимаясь щекой и прикрывая глаза.

– Мне так жаль, что ты...

Слово «темная» напряженно повисло между ними, затем, покружив, разбилось о мостовую, окутывая морозностью своего значения. Чживэй поспешно убрала руку, чувствуя, как сердце бьется сильнее, чем следовало. Когда она снова подняла голову, то увидела, что Чжунъян смотрит на нее внимательно. Между бровей залегла морщинка, как будто что-то в ней вызвало у него серьезные размышления. Зеленые глаза брата потемнели, напоминая о ее кроваво-красных глазах.

Нужно было сменить тему разговора.

– Чжунъян, у нашей семьи неприятности?

Брат моргнул, выплывая из собственных мыслей, и посмотрел на нее с недоумением, после чего качнул головой.

– Нет.

– Будь честным, Чжунъян. Что сказала Проверка?

– Они ушли, к нам никаких претензий.

Чжунъян помолчал.

– Я испортил твоё платье, – произнес он с сожалением. – Завтра же прикажу доставить новое.

– Что? – Чживэй удивленно проследила за его взглядом, замечая кровавый порез на одежде. – Ах, это... Сушая ерунда. У меня есть, – тут она с сомнением запнулась. – Другие.

– Конечно же, есть, – Чжунъяна рассмешило ее замешательство. – но будет новое, еще лучше. Я только что вернулся из Хань, мы подавили там восстание. А это значит, что твой брат вернулся героем и может побаловать сестру.

– Чживэй, ты уже проснулась!

Мэйцзюнь вошла в сад и тут же поспешила обнять сестру.

– Как хорошо, что ты в порядке!

– Я замечательно себя чувствую.

Мэйцзюнь выдавила вымученную улыбку.

– Что случилось?

– Нас вызывают родители.

– Ясно, – изменившись в лице, Чжунъян кивнул. – Помоги сестре собраться, я пока все узнаю.

– Что с твоими волосами? – изумилась Мэйцзюнь.

– Поработал настоящий профессионал. Утверждает, что у него есть три сестры.

Мэйцзюнь рассмеялась.

– А этот профессионал сказал, что последний раз заплетал нам волосы больше десяти лет назад?

– Эту часть он великодушно пропустил.

– Ох, – Чжунъян возмущенно покачал головой, сдерживая улыбку, после чего вышел со двора.

– Давай приведем тебя в порядок.

Мэйцзюнь отвела Чживэй в комнату, прилегающую к спальне. Там в центре комнаты стояла деревянная ванна округлой формы, от которой шел пар. Вода была украшена розовыми лепестками.

Чживэй опустила руку в воду, проверяя температуру. Немного горячее, чем ей нравится, но терпимо.

Как только она устроилась в воде, Мэйцзюнь протянула шарики для мытья, а сама принялась промывать ей волосы.

После сестры вышли во двор, на солнце. Вооружившись расческой, Мэйцзюнь принялась распутывать длинные волосы Чживэй. На руки она нанесла масло, осторожно перебирая волосы Чживэй и водя по ним деревянной расческой с широкими зубчиками. Таким образом она отделяла пряди, чтобы те быстрее просохли на солнце.

– Чжунъян служит в армии? – поинтересовалась Чживэй.

– Да. Я слышала, он на особом почете у командира. Наш брат очень талантливый.

– Он всегда мечтал об этом?

Мэйцзюнь заметно смутилась. Скрывать что-то она абсолютно не умела.

– Почему тогда пошел в армию?

– Ох, не знаю, стоит ли говорить. С момента, как ты проснулась, ты немного другая...

Чживэй напряглась. Так они все-таки заметили?

– ...Ты счастливее и спокойнее. Я плохо разбираюсь в таких вещах, но Чжунъян подтвердил. Твоя аура более сильная и сосредоточенная, целостная. Ты пережила много трудностей, и мы желаем тебе счастья и покоя.

Нежность Мэйцзюнь растрогала Чживэй, и она незамедлительно сжала ту в объятиях.

– И все же, Мэйцзюнь, я могу выдержать важную информацию о дорогих мне людях.

– Ох, ладно. Отец и мать хотели переселить тебя в наше летнее имение и оставить там жить в одиночестве. И брат пошел на сделку, что ты остаешься с нами, а он поступает в военную академию, как и хотел отец.

– Слишком большая жертва для меня.

– Вовсе нет, любимая сестра, – обняла ее Мэйцзюнь. – У меня никогда не будет человека, любимей тебя!

Жертва была действительно большая. И Лю Чживэй за нее была благодарна, ведь она пожертвовала своей жизнью для их спасения.

Чжунъян вернулся, но, заметив распушенные волосы Чживэй и сестру с расческой в руке, смутился, замер в отдалении, словно увидел нечто неприличное. Отведя взгляд в сторону, сказал:

– Мэйцзюнь, вы скоро? Не стоит задерживаться.

Сестра взволнованно посмотрела на все еще влажные волосы Чживэй.

– Мы еще не досушили...

– Нужно торопиться.

– Хорошо, брат, мы сейчас же соберемся.

Мэйцзюнь поспешно закончила с украшением прически.

– Маска, – бросил Чжунъян ей, так и не повернувшись в их сторону, разглядывая что-то на стене.

– Это так плохо? Что отец вызывает меня?

– Просто поторопитесь. Он не любит ждать.

Чживэй нахмурилась, раздражаясь. Добиться простого ответа от Чжунъяна было очень сложно.

– Мэйцзюнь? Отец злится?

– Он недоволен, – уклончиво ответила она.

– Похоже, у нас серьезные неприятности.

– Нет, – с сомнением сказала она. – Папенька у нас очень суровый, но справедливый...

– Кого из нас ты в этом убеждаешь?

Происходящее начало напоминать жертвоприношение, нежели встречу с родителями. Казалось, сестра из последних сил пыталась сгладить последние минуты Чживэй, как хитрые ловушки охотников, не ранящие добычу. Добыча спокойно дожидается охотника в ловушке, не ведая, что ее ждет. Охотник же потом одним быстрым движением ломает ей хребет, и добыча умирает, даже не успев ничего осознать.

– Все будет хорошо, Чживэй, – кивнул Чжунъян, не смотря ей в глаза. – Отец выразит недовольство. Но чем дольше мы тянем, тем недовольнее он будет.

Чживэй испытующе посмотрела на Чжунъяна, но настоящие чувства брата охранялись внутренней силой, за стенами ее спокойствия не чувствовались колебаний.

– Хорошо, поспешим, – согласилась Чживэй.

– Я закончила с прической. Надень маску, она скроет твои глаза, и мы готовы.

– Маска выглядит очень подозрительно.

– Слуги думают, что ты или дух, или дочь с изуродованным лицом, поэтому тебя никому не показывают и продолжают растить из жалости.

– Частично это ведь правда, – пробормотала Чживэй себе под нос.

Мэйцзюнь протянула белую маску, вырезанную из дерева, украшенную нежными цветочными рисунками. Маска закрывала только верхнюю часть лица, отверстия для глаз были защиты сеточкой. Чживэй приложила ее к лицу, а Мэйцзюнь завязала шелковые ленточки на затылке.

– Поторопимся.

Чжунъян кинул нерешительный взгляд на Чживэй, после чего развернулся на месте и скрылся за воротами, оставляя только закружившуюся под его ногами дорожную пыль.

В противовес брату, нервозность Мэйцзюнь казалась осязаемой, словно кто-то разлил ароматические масла и запах теперь навязчиво бил в нос. Чживэй невольно прониклась беспокойством.

Что-то определенно происходило. Что же ее ждет у родителей? Стоит ей переживать? Или просто радоваться возможности составить схему поместья?

От мыслей отвлекла холодная ладонь Мэйцзюнь. Сестра взяла ее за руку и повела прочь со двора, поддерживая Чживэй, чтобы та не споткнулась.

Чжунъян шел размашистым шагом, и поспевать за ним было тяжело из-за узких платьев, требовавших частых мельтешащих движений. Сестра двигалась уверенно и грациозно, в то время как Чживэй запинаясь и шаркала. В обувь набились маленькие, острые камешки, усложняющие ходьбу, но Чживэй старалась не отставать.

Они прошли еще трое ворот, прежде чем Чжунъян, наконец, остановился, дожидаясь сестер. Когда они подошли, Мэйцзюнь совсем побледнела, а Чжунъян казался напряженным. Он так сильно выпрямился, словно был столетним негнибачим деревом.

Дождавшись, когда сестры с ним поравняются, Чжунъян шагнул внутрь.

Внутренний двор по строению походил на ее, но гораздо просторнее. В центре располагался каменный фонтан, а по бокам от входа в помещения росли персиковые деревья, заметила с удивлением Чживэй.

Через персик к Дракону.

Фрукты еще не созрели, но цветы уже украшали ветви. Дорожка вела в красиво изогнутый деревянный дом ярко-красного цвета с покатой крышей, украшенный фигурами животных.

Чжунъян поднял руку, давая команду дожидаться дальнейших распоряжений, и вошел в дом. Чживэй и Мэйцзюнь остались в пустом дворе в полнейшей тишине. Только теперь Чживэй подумала, что они никого не повстречали на протяжении всего пути.

– А где прислуга?

– Их отослали, – шепотом ответила Мэйцзюнь.

Понятно. Очевидное уже подтвердилось. Она представительница темной ци, ее существование незаконно, а потому она должна быть надежно спрятана от людских глаз. Чживэй жила в полной изоляции от мира.

Мэйцзюнь вцепилась в руку Чживэй так крепко, что под ее пальцами образовались белые вмятины.

Чжунъян появился в дверях и кивнул, чтобы они проходили внутрь. Сестры поднялись по ступенькам, однако Чжунъян внезапно удержал Чживэй за локоть и едва слышно, словно шелест ветра, произнес:

– Ничего не бойся.

Чживэй в очередной раз попыталась услышать его настроение, как делала это с Мэйцзюнь, чья аура дрожала от страха, словно лист на ветру. Но с братом было куда сложнее – его эмоции казались недоступными, как каменная стена. Тренировки ци давали о себе знать.

Чживэй просто кивнула ему, чтобы он не переживал, после чего все они перешагнули порог.

Зала выглядела практически пустой, за исключением нескольких столбов, поддерживающих потолок, и роскошных ваз. На возвышении в конце зала сидел отец, подле него стояла мать.

Родители выглядели как типичные вельможи, ухоженные и утонченные, с нотками некоторого шика. Их верхние платья украшала искусная вышивка, а прически были уложены волосоком к волоску. Отец имел внушительную фигуру, но при этом с первого же взгляда было ясно, что он ведет оседлый образ жизни: грузное телосложение, и медленные, размеренные движения человека, привыкшего к власти. Волосы матери, уложенные в пышный пучок, были украшены драгоценными шпильками.

Подле возвышения располагались четыре стола, за дальними от родителей на коленях сидели Лю Ци и Лю Ши, друг напротив друга.

Чжунъян вышел вперед, почтительно поклонился и устроился на своем месте, после чего Мэйцзюнь тоже сделала шаг вперед, неохотно выпуская руку Чживэй. Она тоже уважительно поклонилась, отдавая честь по очереди сначала отцу, затем матери, и тоже устроилась за столом.

Для Чживэй места в этом зале не было. Она застыла, не зная, что делать дальше. Не получив никаких распоряжений, Чживэй решила повторить маневр сестры, приветствуя родителей.

Она полуприсела и склонила голову.

– Здравствуйте, отец. Здравствуйте, мать.

Ответом ей послужило молчание. И хотя Чживэй держала голову опущенной, она все же успела заметить, как мать в отвращении отвернулась от нее. Отец не пошевелился.

Тишина была настолько оглушающей, что, когда сидевшая на коленях Лю Ци пошевелилась, попытавшись сменить позу из-за затекших ног, звук показался до неловкости громким.

Было что-то зловещее в этой тишине. Сестры и братья так и сидели, опустив головы. Даже близнецы, что были такими оживленными вчера, сейчас не осмеливались посмотреть куда-то, кроме столика перед ними.

Никто не шевелился, но атмосфера начинала накаляться. Чжунъян все еще был невозмутим, а вот от отца исходили яростные волны, с каждой новой секундой из маленькой воронки разрастаясь в настоящий ураган. Чживэй кинула взгляд на Мэйцзюнь, заметив, что та пытается подать ей знак. Она медленно, но настойчиво проводила рукой вниз вдоль платья. Что это должно было значить?

Прежде, чем она успела разобраться с этими таинственными сигналами, отец медленно поднялся. Недовольно прочистив горло, он спустился с подножия.

Чживэй невольно нагнулась чуть ниже, потому что, несмотря на внешнее спокойствие отца, его аура пылала ненавистью. Как если бы Чживэй была необучаемой кошкой, писающий в хозяйские ботинки.

По мере приближения к ней отец ступал все тяжелее и тяжелее. Каждый шаг его отдавался отчетливее в тишине. Наконец, ноги отца появились в зоне ее обзора. Он остановился прямо перед ней, но по-прежнему ничего не говорил. Чживэй, не зная, как поступить, подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

В ту же секунду раздался звук пощечины. Следом боль обожгла щеку, а маска болезненно впилась ей в скулы и лоб.

В ушах зашумела кровь. Возмущение, обида, злость! Ей хотелось ударить отца в ответ!

Ударить в его пухлое лицо, да так ударить, чтобы он отступил от боли на несколько шагов, чтобы его зеленые глаза исказились страхом.

Во рту появился солоноватый вкус, удар разбил ей щеку о зубы. Но Чживэй внезапно осознала, это был не только привкус крови, но также и слез. По лицу текла дорожка позорных, предательских слез, собираясь под маской и противно стекая в рот.

«Забавно», – отстраненно подумала она. Всего один удар, а ее словно лишили статуса человека, делая второсортным существом.

И именно так эти родители и воспринимали Чживэй. Ненавидели сам факт ее существования, ведь он напоминал их собственное несовершенство.

– Ты жалкая плесень в моем доме, – проронил отец. – Сколько ни три, от тебя не избавиться.

Голос его звучал холодно, и каждое слово он произносил отчетливо.

– Неблагодарная тварь, что ты натворила? Тебя следовало убить очень давно, но семья жалела тебя. Тебе позволили жить и даже выделили личный угол. А ты всех нас предала? Предала нашу семью? Предала тех, кто заботился о тебе!

Отец вновь замахнулся рукой, и в этот раз Чживэй успела зажмуриться, прежде чем его ладонь настигла ее. Удар пришелся по той же щеке, и силы отец не умерил. Чживэй, не сдер-

жавшись, охнула от боли, что только разозлило отца. Он поднял другую руку для еще одного удара.

– Отец! – воскликнул Чжунъян, стремительно поднимаясь.

Отец раздраженно махнул в его сторону, приказывая сыну не двигаться, однако Чживэй не ударил.

На секунды все опять замолкло. В образовавшейся тишине было слышно, как тихонько всхлипывают близнецы.

– Отвечай, – произнес отец, складывая руки за спиной и отворачиваясь от нее.

Голос у Чживэй пропал, но не от страха, а от ненависти. Она не понимала, чего он хотел от нее.

– Будешь молчать? – рыкнул он, резко поворачиваясь к ней.

– Я не знаю, – прошептала она, невольно отпрянув от него в сторону.

– Не знаешь?! – голос отца стал высоким, а потом сорвался.

Он вскинул руки, обращаясь то ли к детям, то ли к жене, то ли к Чживэй.

– Она не знает! Лгунья! – отец развернулся к ней, тыкая в нее пальцем, на котором было надето массивное кольцо. – Вчера к нам пришла Проверка! Приезжал лично принц империи!

Отец ухватил ее пальцами за подбородок и поднял лицо вверх. Его зеленые глаза смотрели на нее с отвращением, а заговорив, он забрызгал слюной ей прямо в лицо.

– Был мощный выброс ци! И никто из людей не способен на такой. Это была ты. Ты решила погубить нашу семью, несмотря на всю доброту к тебе.

Чживэй с ужасом поняла, о чем он говорил. Ну конечно! Мощной выброс ци! Едва ли обмен душами мог остаться незамеченным, он явно требовал немалых усилий и большого количества энергии.

Отец с отвращением оттолкнул пальцами ее подбородок и уже спокойнее сказал.

– Казнить ее. Разрезать на кусочки и избавиться от тела. Не должно остаться никаких намеков на ее существование.

– Отец!

– Папенька!

Чжунъян и Мэйцзюнь мгновенно бросились на помощь к Чживэй, но та, несмотря на уверенность в собственной ловкости и способности решать любые проблемы, растерялась. Все мысли пропали из головы, кроме одной: это никак не может происходить с ней, ведь это она, попаданка, спасительница семьи.

Близнецы тоже поднялись с мест и заревели в голос, больше не таясь.

– Сестренка хорошая, – воскликнула Лю Ши, и ее тут же поддержал Лю Ци. – Она не предавала нас! Папенька, Чживэй бы никогда! Сестренка Чживэй очень хорошая!

Отец раздраженно отмахнулся от них и повернулся к Чжунъяну. Для него вопрос был решенный, и он испытывал облегчение. Наконец у него есть веская причина выдрать сорняк из огорода. Да, раньше этот огород изобиловал золотыми плодами, но теперь они достаточно богаты и влиятельны, чтобы нежеланная дочь стала обузой.

– Убей ее. Это приказ твоего отца.

Чжунъян отступил, неверяще поглядев на отца.

Впервые он потерял самообладание, пораженный услышанной жестокостью. Раньше папа никогда не давал ему приказов, позволяя старшему сыну самостоятельно принимать решения. Ослушаться же его единственный раз, когда отец воспользовался своим правом главы семьи! Можно ли представить более непочтительного сына?

Однако Чжунъян быстро взял себя в руки. Конечно, уважение к родителям важно, но справедливость важнее. Как воин, защищающий свою страну, он ценил честь превыше всего. И убийство беззащитной сестры было делом безнравственным.

– Я не буду этого делать, отец, – твердо ответил Чжунъян.

Дети, дождавшись реакции Чжунъяна, заплакали еще громче. В семье Чжунъян был негласным лидером, которого все слушали и который всегда принимал верные решения. Хотя отец вызывал почтительное уважение, но к Чжунъяну прислушивались больше.

Вцепившись в полы платья отца, близнецы умоляли его смириться. И не только они. Мэйцзюнь, скромная по натуре, тоже бросилась к отцу.

– Папенька, Чживэй просит прощения! – воскликнула Мэйцзюнь, дергая Чживэй, чтобы та упала на колени.

Чживэй послушно опустилась вниз, отстраненно ощутив удар коленок о каменную пол, словно тело не принадлежало ей.

Отец, нахмурившись, молчал. Он осматривал детей по очереди: Чжунъян смотрел ему прямо в глаза, близнецы сидели в ногах, заливаясь слезами, Мэйцзюнь же встала между ним и Чживэй.

Полное единодушие в желании защитить сестру.

– Отец, я выполнил наш уговор. Я вернулся с битвы героем. Ты не можешь теперь нарушить обещание.

– Не могу! – в ярости прохрипел отец.

– Я выйду за Гуанга, – отчаянно проговорила Мэйцзюнь. – Только оставь сестру в живых.

– Мы будем очень послушными! – плакали дети.

В потрясении отступив от детей, отец разглядывал их.

– Она околдовала вас, – произнес он, потрясая пальцем в воздухе. – Эта демоница околдовала вас!

Чжунъян качнул головой, намереваясь возразить.

– Будь у вас хоть капля здравого смысла, вы бы не защищали ее. Она околдовала вас, и заслуживает две смерти за это!

– Отец, – настаивал Чжунъян. – Она всего лишь невинное существо. Нам ее жалко, словно дворовую собаку, которая живет только потому, что родилась. Убийство – тяжкое бремя для семьи, оно очернит нашу карму, и нас будут ждать не меньше семи лет несчастий.

– Живет, потому что родилась? – повторил отец, смакуя каждое слово. – Значит, это не ее вина. Вина лежит на матери, породившей подобную нечисть. Все эти годы я был милостив к ней, но вы предлагаете лишить жизни вашу мать за все несчастья?

Взгляды обратились к женщине, стоявшей поодаль. Она стояла неподвижно и не дрогнула даже после такого заявления, лишь сжала ткань платья так сильно, что костяшки пальцев побелели.

– Отец, ты несправедлив, – возразил Чжунъян, выдерживая гневный взгляд отца. – Чживэй принесла много удачи нашей семье. Убить собственную удачу? Это не может закончиться хорошо.

– Удача? Эта самая удача может стоить нам жизни. Она навлекла на нас беду. Сидела бы тихо в своей норе, я бы ее не трогал. Но она загнала нас в ловушку. Намеренно.

Впервые за весь разговор в голосе отца появились не только нотки злости, но еще и страха. Чживэй едва удержалась от того, чтобы поднять голову и посмотреть на него.

– Мы посадим ее в погреб, отец. На месяц. И все успокоится. Они не смогли ее почувствовать вчера, не смогут и еще раз. Мы просто переждем.

– Да, папенька, Чживэй будет тише травы, ниже воды. Незаметнее муравья в хвойном лесу!

Отец молчал. Мгновения растянулись во времени, и Чживэй казалось, что каждая секунда занимает не меньше минуты. Наконец он взглянул на старшего сына.

– Я сказал свое слово. Чжунъян, ты должен казнить ее.

Подняв руку, отец дал понять, что не хочет ничего больше слышать, и разговор окончен. Близнецы испуганно прильнули к Чживэй, обнимая ее.

Человек, считавшийся ее отцом, зло хмыкнул и раздраженно вскинул полы платья.

– Чжунъян, я сказал свое слово, – повторил он и удалился из залы.

Чжунъян и Мэйцзюнь почтительно склонились, провожая отца. Едва он скрылся из виду, как они упали на колени перед матерью. Брат с сестрой не смотрели друг на друга, но в их единодушности чувствовался предварительный сговор.

– Маменька, – вступил Чжунъян, – поговори с отцом, попроси его изменить мнение. Пожалуйста.

Платье матери зашелестело, но звук не был успокаивающим. Она направилась к детям, спускаясь с возвышения. Походка ее была вальжной и размеренной.

Чживэй почувствовала, как Чжунъян, стоящий на коленях по левую руку от нее, напрягся. Не вставая с колен, он попытался выглядеть тверже. Мэйцзюнь, только что дрожащая от страха, внезапно преисполнилась решимости.

– Поговорить с отцом?..

Мать взяла слово, только подойдя к ним вплотную. Ее голос, высокий и презрительный, делал ее слова острыми и обидными. Каждое слово напоминало удар хлыста, от чего Чживэй внутренне сжалась.

– Чтобы спасти *это*? Я жалела каждую секунду своей жизни, что оно не умерло. И особенно жалею теперь, когда мои дети цепляются за нее, словно за оазис в пустыне.

– Она тоже твоя... – Чжунъян не договорил, как мать резко повернулась к нему.

– Не продолжай! Не то меня стошнит от отвращения! – мать не смотрела на Чживэй, словно та была противной многоножкой. Немного успокоившись, мать продолжила. – Она была рождена, чтобы умереть. Когда ваша бабушка настояла, чтобы ее оставили, я заказала у астронама прочтение ее судьбы. И ее судьба умереть до наступления пятого Темного Солнца. Предначертанного не избежать.

– Бабушка говорила мне о предсказании, – Чжунъян покачал головой. – Оно гласит, что Чживэй умрет дважды. Это невозможно. Тот предсказатель был обманщиком.

При этих словах в душе у Чживэй что-то оборвалось. Предсказатель вряд ли был обманщиком, ведь Чживэй уже один раз умерла. Еще вчера она видела себя всемогущей путешественницей между мирами, уверенная, что если ее привели в этот мир спасти семью, то, значит, она практически бессмертна. Наивность этих мыслей была налицо.

Мысли Чживэй прервал вздох матери.

– Сын мой, у тебя доброе сердце.

Женщина потянулась к Чжунъяну, подхватывая его за локти, чтобы поднять с колен, однако он отстранился. Мать застыла в непринятой позе, а затем с ее губ слетела усмешка, и она потянулась к мечу Чжунъяна.

– Если ты не можешь убить ее – я сделаю это за тебя.

Она ухватила за рукоять меча, намереваясь вытащить его, но Чжунъян помешал ей. Между ними завязалась битва взглядов, которую прервали близнецы. Дети бросились к матери, хватая ее за ноги.

– Маменька, прошу!

– Пожалуйста, не трогай сестрицу!

– Она всегда была доброй!

Мать раздраженно фыркнула и отпустила рукоятку. Она выпрямилась, после чего провела ладонью по головам младших детей.

– Ступайте к себе немедленно. Это не обсуждается!

Близнецы сквозь слезы взглянули на Чжунъяна, и тот едва заметно кивнул. Тогда они обняли Чживэй в последний раз и поспешили удалиться, не переставая всхлипывать.

В этот раз заговорила Мэйцзюнь. Она подняла голову, стараясь передать матери всю серьезность собственных намерений.

– Маменька. Я не буду противиться браку, если вы сохраните жизнь Чжи...

– Не делай этого, – повернулась к ней Чживэй.

Ее ужаснула мысль о браке сестры даже больше собственной смерти. Чживэй просто не могла позволить Мэйцзюнь жертвовать собой ради нее. Настоящая сестра Мэйцзюнь была мертва, а давать такие обещания за самозванку не стоило.

Продолжить мысль Чживэй не успела, щека вновь загорелась от удара. Мать дала ей пощечину и, словно ей этого было мало, ногой толкнула Чживэй в плечо, отчего девушка упала на пол.

Подобного унижения Чживэй стерпеть не могла, лежать на полу в жалкой позе было ниже ее достоинства, поэтому она незамедлительно поднялась, вновь вставая на колени.

Мать уже отвернулась от Чживэй. Злость, сдерживаемая годами, вылилась из нее. Если бы ей дали волю, она бы уже давно уничтожила эту дочь. Но поскольку ею дорожили в семье, мать игнорировала ее существование.

Она повернулась к Мэйцзюнь.

– Ты покинешь меня в любом случае. Ты всего лишь дочь. Станешь верной другой семье...

– Маменька, никогда! – жарко воскликнула Мэйцзюнь. – Я всегда буду служить вам.

Чжунъян поднял руку, привлекая внимание к себе.

– Мама, всего один раз, прошу тебя. Последний раз. Поговори с отцом. Мы не поднимемся с колен, пока не получим твое обещание.

– Что ж, хорошо, – раздраженно кивнула мать. – Посмотрим, как долго вы выдержите на коленях.

И она ушла, пройдя мимо Чживэй, словно ее не существовало.

Они втроем – Чжунъян, Чживэй и Мэйцзюнь – так и замерли в безмолвной покорной позе.

Прошло несколько мгновений тягучей тишины, прежде чем Чживэй смогла, наконец, поднять голову. У нее затекла шея, заболела спина, но это казалось ерундой по сравнению с болью в коленях. Неровная поверхность пола впивалась в кожу раскаленными гвоздями.

Чжунъян стоял на коленях с достоинством, которое было дано не каждому. Он казался воплощением благородства. Его изящные скулы, четкий подбородок и взгляд зеленых глаз, смотрящих всегда прямо на собеседника, вызывали желание положиться на него, довериться. Чжунъян жил по принципам справедливости и стоял за них до конца. Даже если это значило склонить голову и встать на колени.

Чживэй пыталась принять, что единственным препятствием между ней и смертью были эти два человека, не подозревающие, что сами находятся в опасности. С первой их встречи и до этого момента они окружали ее любовью и пониманием, предоставляя тихую поддержку и напоминая, что она хороша просто потому, что существует.

Интересно, каково было прошлой Чживэй? Ее собственные родители испытывали к ней отвращение. Они кривили лица при виде нее, словно она была противной жабой в чистом озере. Но, несмотря на это, у нее была полная и безусловная поддержка со стороны братьев и сестер.

Даже просто стоя на коленях между ними, Чживэй чувствовала себя в безопасности. Казалось, словно два больших и грозных пса обволакивают ее защитной аурой. Обычно спокойные и неконфликтные, они были готовы сражаться за Чживэй до самого конца.

И Чживэй это приняла. Она тоже сразится за них, потому что они достойные люди, заслуживающие жизни.

И она готова побороться за их счастье прямо сейчас. Чживэй повернулась к сестре.

– Мэйцзюнь, я категорически против твоего согласия на брак.

Мэйцзюнь заметно напряглась, но не ответила. Ее постоянно недооценивали. Даже Чживэй, которой грозила смерть, считала, что вправе указывать, какие решения Мэйцзюнь принимать. Щеки покраснели от едва сдерживаемого гнева, и слова все же вырвались из нее.

– Это мой выбор, чтобы спасти тебя. И я сделаю это!

– Мое спасение займет минуты. А расплачиваться за него тебе придется всю жизнь. Это не равноценный обмен.

– Жизнь за жизнь, – неожиданно твердо произнесла Мэйцзюнь, в эту секунду напоминающая брата. Похоже, упертость – это их семейная черта. – Справедливый обмен. А способ быть счастливой я найду.

Чживэй опешила от такой реакции и повернулась к брату.

– Чжунъян, ты не можешь этого позволить.

Однако Чжунъян даже не шевельнулся. Весь этот разговор ему казался кошунственным.

– Храните молчание. Чживэй, ты проявляешь неуважение. Мы не должны развлекать себя разговорами, умоляя о пощаде. Только так будет заметна наша искренность.

Чживэй хотела возразить, но передумала. Чжунъян упрямо сжал челюсть, а Мэйцзюнь застыла в покорной позе. Чживэй ничего не оставалось, кроме как последовать их примеру. Только она замолчала угрюмо, надеясь, что они почувствуют ее недовольство.

Не шевелиться было очень тяжело. Ноющая боль в спине и коленях сразу же напомнила о себе, Чживэй устала в одну точку, пытаясь унести подальше в своих мыслях.

Неведомая опасность приближалась, а она тратит время, пытаясь выжить сама. А ведь могла бы развивать свою ци.

Вспоминая строки письма, Чживэй больше не сомневалась, что ей суждено спасти семью с помощью силы ее темной ци. Будь это навыки боевых искусств или какие-то другие, не нужно было устраивать переселение душ. Значит, у нее были навыки, недоступные для местных жителей, связанные с внутренней энергией.

Возможно, в ее комнате есть полезные книги о совершенствовании ци. Там было немало книжных свертков.

В спине стрельнуло от боли, от чего Чживэй невольно вздрогнула. Нет, она так долго не продержится. Девушка решила попробовать нащупать внутреннюю энергию, следуя советам брата.

Точка ци была где-то по центру, чуть выше грудной клетки. Чживэй закрыла глаза, пытавшись сосредоточить все свои ощущения на этой точке и опустошить сознание.

Спустя несколько минут ей пришлось признать, что это не так просто. Разные мысли то и дело возникали в голове, мешая расслабиться. Жгучая обида за удары вызвала в ней настоящий гнев, жажду отмщения. Не тот вид энергии, который ей был нужен.

Минуты шли за минутами. Часы сменяли часы. Чживэй лишь отметила, что солнце село, затем на небе появились звезды. К этому моменту она уже впала в кататоническое состояние: не чувствуя тело и не воспринимая его как свое, она продолжала стоять на коленях.

Сколько часов прошло? Небо уже просветлело, когда за створками раздалось шарканье. Чжунъян тут же встrepенулcя.

Некто остановился у входа и заговорил высоким подобострастным голосом.

– Молодой хозяин, молодая хозяйка, мать с отцом вызывают вас к себе.

Мэйцзюнь радостно улыбнулась. Она не сомневалась, что, если родители отправили слугу, значит, дело решено в их пользу, и Чживэй не казнят.

– Мы услышали, – отозвался Чжунъян. – Уходите.

Брат медленно поднялся с колен. Сначала он размял ноги в сидячем положении, а затем постепенно встал на ноги. Следом Чжунъян помог подняться Мэйцзюнь, которая, согнувшись, едва держалась на ногах. Затем он протянул руку Чживэй.

Чживэй попыталась встать, но колени не разгибались. Прошло немало времени, прежде чем она могла стоять, но и то нуждалась в опоре. От коленей до ступней прокатилась волна жара, кровь вновь начала циркулировать. Чживэй попыталась сделать неуверенный шаг вперед, но едва не упала, Чжунъян подхватил ее за талию, прижимая к себе. Чживэй послушно прильнула к нему, с удовольствием вдыхая мужественный аромат. Его большая фигура внушала ей чувство защищенности.

Теперь было ясно, почему стояние на коленях – признак искренности. Это было равносильно попытке.

– Чживэй, – заговорил Чжунъян. – Мы идем к родителям. Досчитай до 50 и возвращайся к себе. Не забудь надеть маску. Ни с кем не разговаривай. Ты поняла?

– Да.

Чжунъян чуть крепче сжал ее талию, вынуждая Чживэй поднять голову. От такой неожиданной близости она смутилась.

– Мне нужно быть уверенным, что ты поняла.

– Я все поняла, – ответила она, отстраняясь. – Тихо, как мышка, я спрячусь в своей норке и буду ждать вас.

– Хорошо. Я отправлю Лю Цзи с едой к тебе.

Чжунъян выпустил сестру из объятий и направился в сторону выхода. Чживэй же потянулась к Мэйцзюнь. В прошлой жизни у нее не было сестры, но, если бы была, то никого лучше Мэйцзюнь пожелать было нельзя. Она излучала искренность и любовь, а ее зеленые глаза беспокойно осматривали Чживэй.

– Все будет хорошо, – произнесла Мэйцзюнь, успокаивая Чживэй.

– Конечно, будет, – ответила Чживэй, и про себя добавила: «Я уж позабочусь».

Чжунъян пропустил Мэйцзюнь к выходу и, кинув последний взгляд на Чживэй, покинул двор.

Чживэй несколько секунд смотрела на закрытые створки, но потом качнула головой, выходя из транса. Будь это ее выбор, она бы не расставалась с братом и сестрой. Как у прошлой Чживэй хватило на это храбрости?

Любовь. Она сильно их любила.

И Чживэй понимала, почему.

Громкое урчание в животе прервало мысли. Следовало скорее вернуться к себе.

Чживэй надела маску, досчитала до пятидесяти и подошла к дверным створкам. За ними была тишина, поэтому она решилась их приоткрыть и выглянуть. Никого.

Идти было тяжело, и Чживэй все время держалась за стену, стараясь быстро перебирать ногами.

Однако внезапно Чживэй остановилась. Когда она шла с братом и сестрой, она видела несколько ворот, ведущих в другие дворы, но все они были закрыты. Сейчас же одни из ворот были открыты настежь.

Чживэй заглянула внутрь и, никого не увидев, прошла мимо.

– Стой, грязная демоница, мы уьем тебя!

Глава III

Сражение спиной к реке

– Стой, грязная демоница, мы убьем тебя!

Чживэй послушно замерла на месте. Страх пробежал током по телу: от самых пяток до макушки. Сердце забило быстрее, а руки задрожали. Она такая беспомощная, что это даже унизительно!

Шпильки! Они были достаточно острыми, чтобы причинить вред противнику!

С этой мыслью Чживэй обернулась, выхватывая шпильку из волос. Однако рядом с ней никого не было. Ни одного человека в проходе. Она задрала голову вверх, на секунду допуская мысль, что враг стоит на стене, но и там никого.

Вновь послышался голос, однако теперь он был тихим и вкрадчивым. Доносился он из внутреннего двора, который она только что покинула.

Голос вовсе не взрослый – детский, тонкий голосок, не похожий, впрочем, на голоса Лю Ши или Лю Цзи.

Ей ничего не угрожало, а значит, следовало уйти. Чжунъян дал ей четкое указание: вернуться к себе и ни с кем не сталкиваться по пути.

Вот только, подумала Чживэй, у них с братом разные цели. Он хочет защитить ее, а у нее миссия намного важнее – спасти всю семью. Поэтому она должна узнать, что происходит, а также кто и кому угрожает.

Чживэй осторожно выглянула из-за ворот и заметила компанию детей: Лю Ши, Лю Цзи и третий незнакомый ребенок. В руках они держали деревянные мечи, и, пока ее брат с сестрой стояли и слушали, мальчик рассказывал историю, активно потрясая мечом.

«– ...грязная темная демоница задрожала перед величием Светлого принца. Она опустилась на выжженную землю, скользя, как змея, но император Светлых наступил на подол ее платья и сказал: Ты убила невинных жителей и ела местных детей...»

Лю Ши вскрикнула, прижимая руки ко рту. Лю Цзи стоял неподвижно, только нервно теребил платье.

– «...Ты заслуживаешь смерти». Она зашипела на него, а из ее красных глаз полилась кровь. Светлый принц стоял, но сияние его золотых волос было настолько невыносимым для нее, что она закричала и испарилась, превращаясь в болотную жижу.

Мальчишка закончил свой рассказ и гордо посмотрел на друзей, чтобы оценить произведенный эффект.

– И это все истинная правда, – добавил он. – Мой отец рассказал мне, а он был свидетелем.

Лю Ши и Ли Цзи неловко переглянулись, после чего девочка нервно сказала:

– Давайте уже играть. Мне не нравится эта история.

Мальчик рассмеялся, очевидно, довольный ее реакцией.

– А еще отец говорит, что темные могут ходить сквозь стены. Они чувствуют трусливых детей, появляются у них дома. Ты проснешься в темноте, а в углу светятся красные голодные глаза!

– Нет! – воскликнула она. – Все не так!

– Именно так! – самодовольно сказал мальчик. – Ты дрожишь, как трусишка, а значит, темные могут прийти за тобою...

– Ладно, давайте играть, – перебил Лю Цзи, выступая вперед и прикрывая собой сестру.

– Давайте, – легко согласился мальчишка. – Лю Ши будет темной, а мы – благородными Светлыми.

– Нет-нет, – надулась девочка. – Почему я вечно темная. Давайте теперь кто-нибудь из вас.

– Мы благородные мужчины, и у нас есть мечи, – высокомерно заявил незнакомый мальчик. – А ты – женщина.

– Я могу быть императрицей Светлых, и у меня тоже есть меч!

– Откуда у нее меч, ты не должен был ей давать!

– Чжунъян дал, – пожал плечами Лю Цзи.

Действия Чжунъяна в семье не оспаривались.

– Ладно, тогда я побуду один раз темным, но потом – она, – сказал мальчик и тут же закричал. – Не поймаете меня! Я съем ваших детей!

Лю Цзи и Лю Ши тут же издали боевой клич и бросились в битву с «темным».

Чживэй отвернулась от их драки, прячась за воротами. Она дотронулась до маски, закрывающей глаза, после чего приложила застывшие от нервов руки к горящим щекам.

Темные – местная страшилка для детей. Некое абсолютное зло, бесчувственное и безжалостное. И из этого невольно возникал вопрос.

Что же она такое в самом деле?

За последние пару суток восприятие Чживэй о новой себе очень сильно менялось. Она переживала переход от любимой сестры до гадкого ничтожества, сравнимого лишь с грязью под ногами. Все происходящее сбивало ее с толку и лишало уверенности.

Может быть, прошлая Чживэй боялась себя, потому что действительно могла сделать что-то ужасное, но она, настоящая Чживэй, была совершенно обычной. Желания пожирать детей в себе точно не наблюдала. И даже наоборот – она горела желанием спасти других.

Все это какая-то чушь. Когда-то давно жил этот самый предок Темных, и он оказался честолюбивым убийцей, но это всего лишь один человек. Как можно по нему судить всю расу?

Теперь ее держали, словно животное, в запертой клетке, но защищали ли ее таким образом или, наоборот, защищались от нее? Чживэй задумывалась, была ли она способна на некое «абсолютное зло», о котором не имела понятия. Чего хотела от нее прошлая Чживэй, выдавая ей такую незавидную судьбу? Как она могла защитить кого-то, если только и делала, что пыталась выжить сама?

Дети продолжали свою игру, даже не подозревая, что каждое их «умри» царапало душу Чживэй. Может быть, она неверно поняла послание? Может ли быть, что она находится в ловушке? Может ли быть, что ее семья вовсе не братья и сестры, а некто, больше похожий на нее? Некто ее вида?

Никогда в жизни Чживэй не чувствовала себя настолько потерянной. Кому ей верить?

Нет, она должна верить слову «семья». «Спаси их» означало спасти Чжунъяна, Мэйцзюнь, Лю Цзи и Лю Ши. И Чживэй не потеряет еще одну семью.

Пора было возвращаться.

Чживэй вернулась в свой двор. Едва она здесь оказалась, как накатило чувство усталости, и она едва добрела до кровати. Свернувшись калачиком, Чживэй уснула.

Проснулась она от звука звенящих тарелок. Лю Цзи с трудом поставил поднос на стол. Он так старался не шуметь, что вытащил кончик языка изо рта.

– Привет, – улыбнулась Чживэй.

– Сестра!

Лю Цзи моментально подлетел к ней с объятиями.

– Чжунъян с Мэйцзюнь все еще у родителей, но я принес тебе вкусностей!

Чживэй выглянула за окно: стемнело. Она проспала целый день.

– Спасибо, дорогой.

– Ты будешь красные финики? – Лю Цзи посмотрел на нее с такой надеждой, что Чживэй покачала головой.

– Угощайся.

Она поднялась с кровати.

– Я сейчас умоюсь и вернусь.

Чживэй отправилась в ванную комнату, желая ополоснуть лицо. Провозившись там много времени, пока искала кувшин, ткань для обтирания, она не удивилась, не застав Лю Цзи по возвращении.

Неудивительно, что ему не хватило терпения! Зато фиников поубавилось.

Чживэй вдруг замерла. Смутное чувство, что что-то не в порядке настигло ее. Энергии вокруг отличались от того, к чему она привыкла.

Обернувшись, Чживэй обратила внимание на свою кровать. Из-под тонкого одеяла стекала струйка крови на пол. Чживэй медленно подошла к кровати, затем откинула одеяла и зажала рот, чтобы не закричать.

На теле Лю Цзи зияла огромная кровавая рана.

– Великие небеса, – пробормотала Чживэй и бросилась к маленькому телу брата.

Она опустилась на колени и прижала к себе покалеченного ребенка. Грудь его очень медленно вздымалась. Он еще дышал!

Что-то побудило ее обернуться, и она едва успела заметить мужчину в маске, замахнувшегося на нее мечом.

Чживэй пнула его в колено и увернулась, быстро понимая, что произошло. Ее маленький брат, Лю Цзи, спрятался под одеялом, намереваясь напугать сестру, когда она вернется. Явившейся убийца проткнул ком под одеялом, думая, что это Чживэй.

Похоже, брату и сестре не удалось убедить родителей пощадить ее жизнь.

Убийца приготовился нападать вновь, когда Чживэй услышала тихий стон со стороны брата.

Все мысли исчезли из головы.

Легкое дуновение ветерка коснулось ее шеи, отчего мурашки прошли по коже. Чживэй ощутила приток силы. Она наполнялась, напивалась силой, и та проходила сквозь ее тело, от чего покалывали подушечки пальцев.

Чживэй приложила руку ко лбу брата. Красноватое сияние окутало тело брата, и рана начала зарастать.

Она закрыла глаза, полностью погружаясь в это волшебное, опьяняющее чувство. Сила не опустошала ее, наоборот, она прибывала. Чем больше Чживэй отдавала, тем сильнее она становилась. Она пила силу, словно пакет сока. Тот постепенно сжимался, истощался, но Чживэй обогащалась и щедро отдавала силу ребенку.

– Хватит! – кто-то толкнул Чживэй в плечо.

Чживэй повалилась на пол. Она открыла глаза, с удивлением узнав перед собой Чжунъяна. Он стоял, замахнувшись, готовый ударить ее. Сильное чувство обиды всколыхнулось в ней. Даже унижение от отца и матери она не восприняла так остро, как сейчас, от Чжунъяна. Слезы брызнули из глаз одновременно с зародившейся яростью. Он тоже видел ее чудовищем? Думал, она могла причинить зло невинному ребенку?

– Я спасла его! – обиженно вскрикнула она, пытаясь подняться с достоинством.

Чжунъян убрал руку, как только Чживэй заговорила. Он настороженно посмотрел на сестру, ощущая как темный, подавляющий поток силы иссякает в ней.

Лю Цзи, весь окровавленный, сел на кровати и растерянно заморгал.

– Ты использовала силу, – голос Чжунъяна звучал отчаянно.

– И что теперь? – вдруг злость вышла из Чживэй. – Родители и так подослали убийцу.

Чживэй указала рукой, с легким изумлением вспоминая, что мужчина собирался напасть, а теперь, бездыханный, лежал на полу.

– Я спасла брата, – повторила Чживэй.

– Ты забрала его ци, чтобы спасти Лю Цзи, растерянно произнес Чжунъян, после чего разозлился. – Отец повел себя подло! Подослать убийцу, когда обещал мне простить тебя!

Он покачал головой.

– Мы заслужили все, что грядет. Лю Цзи, возвращайся к себе. Живо!

Ребенок поднялся с кровати и побежал в сторону выхода. Чжунъян сжал Чживэй в объятиях.

– Что грядет? – спросила она.

– Ты самая лучшая из сестер, какую можно пожелать, – похоже, он даже не слушал ее.

Голова у Чживэй закружилось, и ей померещилось, что она тает. «Превращается в болотную жижу» – фраза услужливо появилась в голове. Чживэй закрыла глаза, чтобы справиться с подступающей тошнотой. Она впитала чью-то ци без остатка! Ей не было жаль убийцу, но, кажется, это изменило ее внутри.

– Ты не пострадаешь. Я обещаю.

Чжунъян коснулся губами ее лба.

– Прости, – произнес он. – Я подвел тебя.

Чживэй хотела возразить, но Чжунъян ее остановил, качая головой. Руками он сжал ее узкие плечи, и горечь наполнила его. Как старший брат, он подвел свою семью.

– Ты не...

– Ты не все помнишь, – перебил ее Чжунъян. – Не только сейчас, но и раньше не помнила. Этот эпизод стерся из твоей памяти, ведь твоя собственная сила очень плохо действует на тебя. Да и сила ли это? Я много размышлял над этим и пришел к выводу, что потомки Цзиньлуна скорее проводники энергии. Ваше проклятие, из-за которого ты и твои братья вынуждены вести такую жалкую жизнь. Не в силах контролировать свое ци, темные не нарушали закон... прежде чем все стало так, как стало.

Чживэй внимательно слушала, и Чжунъян продолжил.

– Мне было одиннадцать лет, уже почти взрослый мужчина. Тебе скоро должно было исполниться десять, Мэйцзюнь восемь лет. Наша семья решила переехать из Шоу в Цзинь, – Чжунъян сделал паузу. – Мы не должны были пережить эту дорогу. По крайней мере, без тебя. С тех пор все мы живем взаимы.

В пути на нас напали разбойники, превосходившие нас численностью и вооружением. Они мгновенно убили прислугу и охрану, после чего взяли меня и Мэйцзюнь в заложники. Они хотели знать о тайных денежных схронах в повозке.

И тут в дело вступила ты, я навсегда запомнил этот момент. Ты вышла из повозки, глаза твои были такие яркие, словно красный дом, объятый пламенем.

Чжунъян протянул руку и нежно провел пальцами вдоль виска Чживэй.

– Трава и деревья вокруг нас начали гнить. Все замерли в напряжении, но вскоре оба разбойника, что держали нас, упали. Остальные разбойники испугались и разбежались, а ты потеряла сознание и не приходила в себя несколько дней. Если бы не ты, мы лежали бы уже в земле.

Тот день изменил меня. Мне жаль, Чживэй, говорить это, но до того дня я относился к тебе не очень хорошо. Спесь слепила меня. Я считал себя будущим наследником семьи, главой нашего рода. Казалось, я был выше других, выше своих сестер и, в особенности, лучше тебя. Но после того дня я изменился.

Нет ничего важнее сплоченной семьи.

Чжунъян закончил говорить и с легким волнением всматривался в сестру, ожидая увидеть осуждение.

– Но почему тогда темные существуют? – заговорила Чживэй. – Такая отвратительная и разрушительная сила!

Горечь в ее голосе задела Чжунъяна.

– Мысли Нефритового императора нам неизвестны, Чживэй. Я не знаю, зачем существует подобная злая сила, но точно знаю, почему есть ты. Твоя семья жива благодаря тебе. Лю Ши и Лю Цзи увидели солнце только благодаря тебе. Лю Цзи обязан тебе дважды.

Чжунъян и Чживэй одновременно ощутили волну беспокойства и повернулись к входной двери. Спустя секунды появилась Мэйцзюнь, ее била нервная дрожь. Однако, переступив порог, она застыла в изумлении.

– Ты жива! Слава небесам! – в облегчении сестра разрыдалась. – Отец сказал, что дело сделано. Тебя убили.

Заметив выражение лица брата, Мэйцзюнь замолчала. Затем она увидела мертвого мужчину и отпрянула, в ужасе зажав рот рукой.

– Да, ты все верно поняла, – кивнул Чжунъян.

Мэйцзюнь отчаянно покачала головой.

– Собери все необходимое. Вам нужно бежать немедленно.

– Бежать?! Куда? – непонимающе вскрикнула Чживэй.

Все происходило слишком быстро. Спасение брата, смерть убийцы, отчаяние Чжунъяна. Чживэй не успевала уловить суть сменяющихся картинок перед ее глазами.

– Не бери лишнего.

– У меня подготовлена котомка.

– Ты великолепная сестра, – просиял Чжунъян в порыве чувств прижимая ее к себе. – Бери все деньги, что есть в твоём распоряжении и бегите до «Приюта глушицы».

Чжунъян повернулся к Чживэй.

– Это ночлежка, – пояснил он. – Вы останетесь там до завтра, а затем отправляйтесь в наш летний дом. На какое-то время схоронитесь там.

– Все настолько плохо? Будет еще одна Проверка?

– Да, – кивнул Чжунъян, после чего бросил Мэйцзюнь. – Надеюсь на тебя.

Чжунъян направился к выходу, но в дверях внезапно застыл. Рука на дверном косяке напряглась, а костяшки пальцев побелели. Он обернулся.

– Уходите прямо сейчас. И не возвращайтесь. Это моя воля, Чжунъяна, – он посмотрел на Чживэй и, прежде чем уйти, добавил. – Время отдавать долги.

Мэйцзюнь поспешно бросилась к сундуку, открывая еще одно углубление в стене. Оттуда она извлекла два наплечных мешка и протянула один из них Чживэй, оставив второй себе. Чживэй схватила мешок и начала запихивать туда свитки с книгами.

– Бежим, нельзя терять времени, – нетерпеливо сказала Мэйцзюнь, протягивая маску сестре.

Чжунъян впервые доверил ей важную задачу, и она не хотела его подвести.

– Идем, – кивнула Чживэй, надевая маску и потуже завязывая ленты на затылке.

Мэйцзюнь схватила Чживэй за руку, и девушки выскочили из дома и побежали сквозь сад. Мэйцзюнь уверенно вела сестру к тайному проходу, который был хорошо замаскирован пышными кустами. Однако Чживэй остановилась и выпустила руку сестры.

– Что такое? – обеспокоенно спросила Мэйцзюнь.

– Посмотри туда, – Чживэй кивнула в сторону поместья.

Красное зарево освещало небо и густой черный дым поднимался в воздух. Вдалеке раздались разрывающие душу крики.

– Что происходит? Мэйцзюнь, говори!

Лицо Мэйцзюнь залили слезы, и сердце у Чживэй оборвалось. Она кинула взгляд на алое зарево, предчувствуя беду.

– Мэйцзюнь, пожалуйста!

– Братец все понял. Вот почему сказал уходить мне с тобой... Светлые здесь, и семье Лю не будет прощения.

Не будет прощения? Мурашки прошли по телу Чживэй.

Так вот какой долг решил отдать Чжунъян? Неужели он решил пожертвовать всей семьей ради нее? Как же близнецы? Неужели они тоже должны расплачиваться за то, о чем понятия не имели?

И вдруг Чживэй почувствовала, что ее время вышло. Последняя песчинка упала в часах. Чживэй подняла голову, всматриваясь в зарево. Она приняла решение.

– Мэйцзюнь, уходи.

– Что?! Нет! – Мэйцзюнь вцепилась в Чживэй. – Без тебя я никуда не пойду!

– Я хочу забрать Лю Цзи и Лю Ши. Если мы вернемся вдвоем, то навлечем на себя беду, – Чживэй высвободилась из рук Мэйцзюнь. – Подожди снаружи, и я вернусь с ними.

– Нет, – упрямо повторила Мэйцзюнь. – Мы уходим сейчас же! Чжунъян сказал нам уходить! Пожалуйста, Чживэй!

«Спаси их» – два слова и ноль подсказок. Двое суток и ноль подготовки. Две угрозы жизни и одно спасение. Чживэй просто не может уйти: ее миссия в этом, ее цель, ее существование только ради спасения семьи. Она не сбежит в этот раз.

К тому же теперь Чживэй знала, как использовать силу. Питаясь ее страхом и яростью, сила вновь начала прибывать, пульсируя и желая вырваться наружу.

Она заберет жизни врагов, одного за другим, если понадобится. В конце концов, это не так уж трудно. И, честно говоря, еще и немного приятно.

– Нет, стой! Не используй силу! – воскликнула Мэйцзюнь, отступая на шаг. – Не делай этого! Они почувствуют тебя! Я послушаюсь. Послушаюсь! Подожду снаружи. Но не больше, чем лучина прогорит на треть!

Мэйцзюнь достала из рукава длинную щепку сухого дерева, демонстрируя ту Чживэй.

– Пока не прогорит целиком, – жестко сказала Чживэй, но мягче добавила. – Мэйцзюнь. Я в большей безопасности, чем ты или близнецы. Просто позволь мне их спасти.

Чживэй отдала Мэйцзюнь наплечный мешок и, не дожидаясь, пока сестра скроется в кустах, развернулась и побежала назад. Скорее-скорее. Может, она не сильнее Светлых, но умнее и хитрее. Она из другого мира. Это ее преимущество.

Чживэй забежала в дом и, на всякий случай, захватила свой меч. Освободив клинок из ножен и крепко зажав рукоятку, Чживэй напредила себе строки из послания.

«Избегай врага днем – он духом силен,
Нападай, когда душа его стремится к покою».

Что ж, эту возможность она упустила. Ее враг не стремился к покою, а наоборот, был в разгаре сил.

«Солнечный отблеск больно делает
Моим кровавым глазам».

Уже стемнело, но вряд ли речь шла о солнце. Ей не стоило смотреть на Светлых? Или не смотреть им в глаза?

Чживэй потянула ручку тяжелой двери, та поддалась с трудом – к счастью, в этот раз Чжунъян не запер ее. Приоткрыв дверь, Чживэй выглянула наружу. Пусто.

Она понеслась к детскому двору, который ей повезло узнать, где находится.

Если ей удастся вытащить Лю Цзи и Лю Ши, тогда она сможет хоть немного расслабиться, ведь большая часть семьи будет в безопасности. Останется только Чжунъян, а родители ее не слишком волновали.

На улице смеркалось, но темно не было: детский двор освещался заревом.

– Лю Ши! Лю Цзи! – Чживэй сдавленно крикнула их имена и тут же обернулась в страхе, что звук ее голоса привлечет врагов. Однако ответом была тишина. За ней никто не пришел, но никто и не отозвался.

Чживэй начала обыскивать помещения, ведь дети могли прятаться. Меч она тащила за собой, чтобы не перенапрягать руку, и он противно скрежетал по камню, выбивая иногда искры, но девушка не обращала на это внимания.

– Лю Ши! Лю Цзи! – уже громче крикнула Чживэй внутри детской.

Стояла абсолютная тишина: ни слуг, ни детей – ни одного признака живого человека.

– Пожалуйста, – пробормотала она и крикнула громче. – Это Чживэй! Я вас уведу!

И опять – ни звука. Чживэй проверила все помещения, но никого так и не нашла. Страх разливался липким потом по спине, ей следовало идти навстречу зареву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.